

Jiří Maštálka

Evropská unie a Rusko

**Praha – Štrasburk – Brusel
2015**

VZTAHY MEZI EVROPSKOU UNIÍ A RUSKEM MAJÍ MIMOŘÁDNÝ VÝZNAM

Ve dnech 19. – 21. října 2015 pobývala v Moskvě oficiální delegace, složená z pěti poslanců Evropského parlamentu – členů levicové frakce Sjednocené evropské levice/Severské zelené levice (GUE/NGL) v čele s předsedkyní frakce Gabi Zimmerové. Hlavním cílem delegace bylo pokusit se o průlom ve vztazích mezi Evropským parlamentem a ruskou Státní dumou, které se momentálně nejen že nacházejí na bodu mrazu, ale dále se zhoršují.

Členové delegace GUE/NGL, mezi které jsem patřil, měli možnost jednat s nejvyššími představiteli Státní dumy, s reprezentanty ruských parlamentních stran, akademické obce, odborů a nevládních organizací. V rámci frakce GUE/NGL existovala před cestou do Moskvy jednoznačná shoda v tom, že je třeba bezpodmínečně vztahy mezi Evropským parlamentem a Státní dumou oživit, a to jako krok ke zlepšení celkových vztahů mezi EU a Ruskem. Je paradoxní, když členové Evropské komise se při různých příležitostech setkávají a jednají s ruskými politiky z tzv. černé listiny, zatímco poslancům EP je toto vedením parlamentu striktně odpíráno – bez ohledu na to, že stále větší počet poslanců s takovým přístupem nesouhlasí.

Delegaci GUE/NGL přijal předseda parlamentu – Státní dumy Sergej Naryškin, místopředseda Státní dumy Ivan Melnikov, hovořili jsme s náměstkem ministra zahraničních věcí pro evropské záležitosti, s předními činiteli parlamentních politických stran (s výjimkou Žirinovského nacionalistů), setkali jsme se s představiteli ruských odborů, akademické obce a nevládních organizací.

Už v průběhu jednání v Moskvě jsme se – tedy celá delegace GUE/NGL – shodli v tom, že touto cestou se musíme pokusit o průlom v parlamentních vztazích, že je to naše povinnost. Že se nenecháme, jak tomu bylo doposud, z jednání s ruskými politiky odstavovat Evropskou komisi.

A konkrétní kroky? U předsedy Evropského parlamentu Schulze už ležel v době sestavení této publikace můj dopis, ve kterém mu sděluji své důvody nespokojenosti se vztahy mezi EP a Státní dumou s tím, že stávající stav nepřispívá v nejmenším ke zlepšení vztahů mezi EU a Ruskem obecně. Dopis obsahuje také kritiku přístupu vedení EP ke členům Stálého zastoupení Ruské federace při EU, neboť tento přístup se vyznačuje ryze diskriminačními prvky, ať už jde o možnosti vstupu do objektu EP či zvaní členů stálého zastoupení na některé parlamentní akce. O výsledcích naší cesty do Moskvy jsme samozřejmě předsedu EP podrobně informovali.

Svoji účast v delegaci GUE/NGL do Moskvy bych označil za projev zcela určité kontinuity: kontinuity mého trvalého zájmu a péče o spolupráci evropských národů, jejíž významnou a nepostradatelnou součástí jsou vztahy mezi Evropskou unií a Ruskem. Rokování v Moskvě předcházela moje cesta do Volgogradu, kde jsem na akademickém fóru přednesl projev na téma Evropská unie, Ukrajina a Rusko, a to při příležitosti převzetí čestného doktorátu na Volgogradské státní lékařské univerzitě.

Po absolvování jednání GUE/NGL v Moskvě jsem cestoval opět do Volgogradu, tentokrát jako jediný poslanec EP, který byl pozván na II. Mezinárodní fórum partnerských měst, které se konalo 31. října 2015 při příležitosti Světového dne měst, vyhlášeného Valným shromážděním OSN v roce 2014. Tentokrát jsem zde hovořil na téma Historický kontext budoucnosti a můj projev byl oficiálně zveřejněn vedle závěrečného usnesení mezinárodního fóra.

Dovoluji si tímto s oběma projevy seznámit také občany České republiky. Domnívám se, že tyto projevy vypovídají mnohé o mém uvažování, o mých názorech především na vztahy mezi EU a Ruskem a o mém přístupu k řešení existujících problémů v těchto vztazích.

Jiří Maštálka

EVROPSKÁ UNIE – RUSKO – UKRAJINA

Předneseno ve Volgogradu dne 17. září 2015 při příležitosti udělení čestného doktorátu na Volgogradské státní lékařské univerzitě

(...) Asi bych urazil řadu profesí, kdybych teď prohlásil, že lékaři nejcitlivěji ze všech reagují na narůstání krize, na růst násilí, na přiblížení se ozbrojeného konfliktu – a na faktické zahájení války. Pravdou ale je, že naše profese nám poskytuje jasné chápání toho, co se dnes tak často skrývá za jedničkami a nulami virtuálního světa, za počítačovými hrami, za rostoucími vzdálenostmi mezi těmi, kdo řídí drony a kdo v důsledku jejich bombardování umírají. Válka není hra – válka, to je především trhání a pálení lidských těl. To je projev války, se kterým se setkává lékař. Proto si nejen vysoce vážíme aktivit lékařů na válečném poli či v takových hnutích, jako je Lékaři bez hranic, ale zároveň v první řadě požadujeme prevenci – zásadní akce, které by válkám zabránily.

Napětí, které se na ose Brusel-Kyjev-Moskva objevilo v důsledku převratu v Kyjevě, následnému připojení Krymu k Rusku a propuknutí občanské války na Ukrajině se znovu oživily teorie o konfliktu Evropy a Ruska, Západu a Ruska. I když v této chvíli můžeme hovořit o tom, že se tento konflikt dostal do „zamrzlého“ stádia, jeho potenciál narůstat je velký. Stanovit diagnózu, aby bylo možné zahájit léčbu, je obtížné. Konsorcium politiků a nejrůznějších propagandistů se pře, což léčby komplikuje – nebo dokonce znemožňuje.

Většina vášnivých diskusí o současné situaci končí u otázky, kdy to vše vlastně na Ukrajině začalo. Zda manifestacemi na kyjevském Náměstí nezávislosti ještě před summitem EU-Ukrajina (listopad 2013), svržením prezidenta Viktora Janukovyče (únor 2014), nebo připojením Krymu k Rusku (referendum v březnu 2014). Chronologie je důležitá, když se hledají příčiny a následky – a také, když se hledá viník. Jenže počátky velkých událostí bývají často skryté

a nemusí mít podobu činu. Pravděpodobně nejvlastnější příčinou občanské války na Ukrajině je nepochopení toho, co je Ukrajina.

Kdybych měl stručně charakterizovat situaci na Ukrajině ve vazbě na vztahy Evropské unie a Ruska, řekl bych, že se jedná o pouhý symptom většího problému: promeškali jsme příležitost pro nové vztahy Ruska a Západu, kterou nabídl konec studené války. Je dnes obtížné spočítat přílivové a odlivové vlny, které charakterizují vztahy růstu pochopení, nedorozumění a sporů mezi Moskvou a Bruselom od rozpadu Sovětského svazu. Zdá se ale, že problémy byly naznačeny a zakládány už v prvních dokumentech nové etapy, které byly chápány jako projev vzájemného sblížení: mám na mysli Energetikou chartu (1991) a Dohodu o partnerství a spolupráci (1994). Onen první dokument opomněl pečovat o práva dodavatelů surovin a práva a povinnosti tranzitních zemí. Onen druhý dokument, tedy Dohoda o partnerství a spolupráci, však obsahuje více než „technický“ problém. Jde o komplexní smlouvu tzv. třetí generace tohoto typu. Očekává od Ruska, že přijme evropské hodnoty.

Tento ideologický motiv je obsažen v nekonečné řadě unijních dokumentů, projevů i novinových statí. A netýká se jen Ruska, ale celého postsovětského prostoru – včetně Ukrajiny. Samotné vymezení „evropských hodnot“ je neurčité, vnitřně rozporné a často se týká požadavků, které ani na Západě nejsou naplněny. Srozumitelnější se tento požadavek stává v textech mnoha rezolucí Evropského parlamentu o Rusku, Ukrajině, Bělorusku či Střední Asii. Základním problémem těchto dokumentů je úplný nedostatek empatie, schopnosti procítit specifiku posuzovaných zemí, jejich kulturu, to, co bychom mohli nazvat „civilizační čas“, ocenit dosažené úspěchy. Výsledkem pak je paternalistický tón, který je neuctivý až urážlivý. A neschopnost nalézt styčné body spolupráce. Je to jako pečovat o zdraví člověka, o kterém nejen nic nevíte, ale ani nechcete vědět – a často ani nevíte, co to zdraví je.

Požadavek transformace Ruska jako jeho převýchovy v duchu evropských hodnot je nesmyslná, a to hned ve dvojitým významu. Především, jak jsem uvedl, ruské hodnoty jsou součástí evropského

duchovního bohatství. A zadruhé, evropská tradice obsahuje velmi rozporné hodnoty. Jen propagandou můžete dosáhnout zapomnění, že k Evropě patří pálení knih a čarodějnic, pogromy, brutální kolonialismus, holocaust. A tato zrůdná část evropské tradice žije. Právě v roce, kdy si připomínáme 70. výročí konce 2. světové války, se nesmíme tvářit, že nevidíme hákové kříže na přilbách násilnických skupin, nesmíme zavírat oči před upalováním lidí v Oděse.

Samotné narůstání nepochopení a konfliktů doprovází nebezpečná indoktrinace: obraz věčného konfliktu Ruska se Západem a propagování vize konfliktu civilizací, konfliktu kultur. A myslím, že neřeknu nic nového či tajného, když prohlásím, že tato nebezpečná představa má mnoho přívrženců i v bruselských budovách Evropské unie.

Specifika Ukrajiny

Jak jsem již řekl, krize a válka na Ukrajině jsou symptomem dlouhodobých hlubších problémů ve vztazích mezi Ruskem a Západem. Na počátku poslední fáze vývoje tohoto problému je pojetí asociační dohody mezi Evropskou unií a Ukrajinou. Problémem není složitost textu v rozsahu přibližně 1400 stran – či jenom toto. Duch této smlouvy od samotného počátku její přípravy ignoroval rozpornou sociální realitu Ukrajiny. Jako bývalý student lékařské fakulty Kyjevské univerzity musím říci, že jsem nikdy nepochopil, jak někdo mohl takovouto asociační dohodu připravit – tedy za předpokladu, že jeho nejvlastnějším cílem nebylo eskalovat konflikt.

Co mám na mysli?

Tradičně, přesněji od druhé poloviny 17. století, bývá ukrajinská politická scéna vnímána jako rozdělená na levobřežní a pravobřežní – na východ od řeky Dněpru je prý promoskevská, na západ probruselská, či dříve propolská nebo prošvédská. Jenže Ukrajinu dnes nedělí Dněpr, ale hned tři skupinové identity: etnická, náboženská a sociální. V předvečer svržení prezidenta Viktora Janukovyče vypadala Ukrajina následovně:

- Podle posledního sčítání lidu (2001) žije na Ukrajině 77,8 % Ukrajinců a 17,1 % Rusů. Na západě republiky činí převaha ukrajinštiny 94,4 % oproti 3,1 % ruštiny, na východě je poměr obrácený – 86 % ruština a 3,7 % ukrajinština (dopočet tvoří suržik, směs ukrajinštiny a ruštiny).
- Údaje o religiozitě se často liší. Podle výzkumu Centra Razumkova (2006) převládá pravoslaví, které je však rozštěpeno na ty, kteří se hlásí ke kyjevskému patriarchátu (38,9 %), k moskevskému patriarchátu (29,4 %) a k autokefálnímu pravoslaví (2,9 %). Také katolíci jsou rozděleni, a to na řecké (14,7 %) a římské (1,7 %). Uvedené podíly však platí pouze v rámci věřících – podle citovaného výzkumu je na Ukrajině 62,5 % nevěřících nebo těch, kdo se nehlásí k žádné církvi.
- Ukrajina není rozdělena jen na průmyslový východ a agrární západ. Oficiální údaje hovořily o nezaměstnanosti na úrovni 8 %. Pokles počtu obyvatel se od roku 1994 nezastavil, přičemž loni v lednu dosáhl propad 87,9 % úrovně roku 1990. Podle The World Factbook, což jsou informace vydávané CIA, žilo už v roce 2010 pod hranicí chudoby 24,1 % Ukrajinců.

Dějiny Ukrajiny a Ruska, ale i Polska a Litvy, se pohybují v prostoru. Je zřejmé, že každý geopolitický cyklus zanechal otisk ve vědomí i nevědomí tamních obyvatel i politických elit, a to včetně představ o hranicích – nemluvě o otisku jazykovém a genetickém. Ve stopách ruského historika a etnografa Lva Gumiljeva lze ale říci, že do dob Kyjevské Rusi proběhla v prostoru panství Rurikoveců nová etnogeneze, jejímž dítětem jsou odlišné slovanské národy: Ukrajinci, Bělorusové, Rusové a možná i Rusínové. Tyto národy byly uzavřeny do umělých politických celků, kterým se říká státy. Jejich hranice byly nakresleny až v sovětských dobách, carská říše měla gubernie napříč etnickým rozhraním.

Tyto konstanty ukrajinské politiky byly známy už před přípravou asociační dohody mezi Ukrajinou a Evropskou unií. Byly známy nejen z prezidentských voleb v roce 2010, ale i z voleb předcházejících a z průběhu i následků tzv. Oranžové revoluce (2004). A nejen

to. Jsou hluboce zakořeněny v historickém vědomí. Ne náhodou současný ukrajinský premiér spojil asociační dohodu s „chybou“, kterou prý spáchal ataman Bohdan Chmelnický připojením Ukrajiny k Rusku v polovině 17. století, a hovoří o sovětské intervenci na Ukrajině a v Německu roku 1945. A prezident Petro Porošenko vyžaduje od vědců, aby představili Ukrajinu jako evropský stát existující od 10. století, kdy na jejím území byla prý „Kyjevská Rus-Ukrajina“.

Otázka, zda byla Kyjevská Rus Ukrajinou, nebo ne, je hezké téma pro akademické spory, neměl by to ale být důvod k válce. Dějiny by neměly svazovat politickou péči o život dnešních lidí a jejich potomků, historii však z politiky odstranit nelze. Otázkou je, co zamýšleli v Bruselu tím, že jako představitele Evropské unie poslali do Kyjeva polského diplomata (a do Moskvy diplomata z Pobaltí) a asociační summit EU-Ukrajina (2013) svolali do Vilniusu (první krvavá bitva mezi Litevci a Rusy o tento prostor se odehrála v roce 1500). Ovšem ještě před summitem Východního partnerství ve Vilniusu také na manifestacích zněla Majdanem sladkobolná romantická balada Hej, sokoly z 19. století, která je tak trochu pláčem Polska nad ztrátou Ukrajiny – a jejíž velké dny slávy začaly polsko-sovětskou válkou (1919-1921) završenou porážkou Rudé armády. Z tohoto náměstí pak západní media přenášela rozhovory s mladými Ukrajinci o třistaletém ruském útlaku Ukrajinců. O emoce tak bylo postaráno dlouho před summitem Evropská unie-Ukrajina.

Racionální politika Bruselu vůči Ukrajině měla už v předvečer summitu EU-Ukrajina ve Vilniusu (listopad 2013) směřovat k politické stabilizaci situace a pomáhat nastartovat ekonomiku. K dohodě o spolupráci Ruska a Evropské unie v zájmu Ukrajiny. Bez Ruska, jehož podíl na zahraničním obchodě Ukrajiny byl větší než podíl Unie, byla – a stále je – jakákoliv revitalizace ekonomického a sociálního života nemožná.

I když dnes tehdejší komisař EU pro rozšíření tvrdí, že před summitem ve Vilnius neznal stav ukrajinské ekonomiky, základní údaje byly veřejně dostupné. Už zmíněná čísla o zahraničním ob-

chodě naznačovala hranici, za kterou přestává být politika uměním možného a mění se na geopolitické či nacionalistické sny. Na iluze, které se vbrzku měly stát lidskou tragédií. Jenže podle geopolitického uvažování některých politiků na Západě, které nevidí kooperaci, ale pouze hru s nulovým součtem, asociace Ukrajiny s Evropskou unií znamenala naplnění snu o odtržení Ukrajiny od Ruska. A zamezení vstupu Ukrajiny do Celní unie, později Eurasijského ekonomického svazu, vytvořeného Běloruskem, Kazachstánem a Ruskem. Tyto dvě organizace – EU a Euroasijský ekonomický svaz – mají odlišná pravidla i odlišné instituce. Pro státy Celní unie by bezcelní příval unijního zboží z Ukrajiny znamenal velkou ekonomickou hrozbu. Proto Moskva varovala, že zavede vyšší clo na zboží z Ukrajiny. Proto se Moskva několikrát obracela ke Kyjevu i Bruselu, ať celou záležitost neposuzují politicky, ale ekonomicky – byť politický aspekt nelze nikdy zcela oddělit. Už před summitem ve Vilniusu však byla matematika jasná: Kyjev potřebuje 160 miliard eur a Evropská unie nabídla pomoc ve výši 620 milionů eur.

Po vilniuském neúspěchu přišel tehdejší ukrajinský prezident Viktor Janukovyč s návrhem vytvořit společnou komisi Ukrajiny, Unie a Ruska, která by situaci řešila. Předseda Evropské komise José Manuel Barroso okamžitě, zbrkle a nezodpovědně tento návrh odmítl. A tak Janukovyč promluvil o nutnosti odblokovat jednání s Ruskem o strategickém partnerství. Při zpětném pohledu je zřejmé, že vyjednávači Evropské unie, tedy především předseda Komise a komisař pro rozšíření, odvedli velmi špatnou práci. Právě tak se ale zdá, že ruská diplomacie nedostatečně využila svého vlivu na Janukovyče v době jeho prezidentství, aby na něj tlačila třeba kvůli jeho nepřijatelné toleranci vůči korupci či k posilování moci oligarchů a narůstajícímu konfliktu mezi nimi.

Chaos na Ukrajině je některými politiky a komentátory nepokrytě charakterizován jako geopolitický konflikt Západu s Ruskem. Celý ukrajinský spor tak získává podobu zápasu o to, kdo získá tuto zemi, nikoliv jak se bude žít Ukrajincům. Ukrajinská občanská válka je do značné míry tzv. proxy war – válka mocností, především

USA a Ruska, v zastoupení. Mocnosti se dostaly do konfliktu, ale bojují cizíma rukama. Po studené válce se tak poprvé stalo v Sýrii, teď se přidala válka na Ukrajině.

Rusko a Ukrajina

Převrat v Kyjevě ukázal, že Rusko nedostane čas na poklidnou modernizaci. Ekonomické ztráty na Ukrajině a sankce Západu vedou k zastavení růstu a dokonce poklesu výkonnosti ruské ekonomiky. Jenže dopad sankcí na ruskou ekonomiku je sice velký, nikoliv však katastrofální. Na místo západních firem přicházejí podnikatelé z jiných zemí. Hrozí nebezpečí, že se sankce stanou oním Kremlem řadu let hledaným stimulem k modernizaci výroby, k diverzifikaci exportu, k omezení závislosti na finančních institucích Západu.

Zbigniew Brzezinski kdysi napsal, že bez Ukrajiny nemůže být Rusko evropskou velmocí. Jenže ono může, byť posíleno o východní a jižní rozměr. Když v 90. letech Jevgenij Primakov přišel s vizí osy Moskva – Peking – Dillí a případně i Teherán, vypadala tato idea jako abstraktní, vyumělkovaný model. Primakov nezískal podporu v Moskvě ani v dobách, kdy byl ministrem zahraničí a následně premiérem. Krize na Ukrajině ale urychlila pohyb, který byl patrný již od války v Jugoslávii – Západ právě tak nesmyslně jako vytrvale tlačí Rusko směrem na Východ a na Jih. Západ se svou politikou dvojího metru a snahou udržet si privilegia sám izoluje od nejdynamičtějších oblastí světa. Ukrajina – to je jen další důkaz strategické bezradnosti, či přímo slepoty mnoha západních politiků.

Velkým tématem pro uzavření druhých minských dohod (únor 2015) se staly dodávky zbraní a vojenských poradců ze Západu na Ukrajinu. Ty by ale s největší pravděpodobností vedly k výraznějšímu porušování minských dohod a eskalaci válčených akcí. Neexistují druhy zbraní, které by Západ mohl dodat ukrajinské armádě a gardistům, a které by nemohlo dodat Rusko povstalcům. Výsledkem by mohla být několikaletá válka na hranicích Evropské

unie a Ruska. Další zamrzlý konflikt, tentokrát ve velmi blízkém zahraničí. A možnost, že někoho v Moskvě napadne, že než se dívat na desetitisíce mrtvých, miliony běženců a města měnící se v ruiny, je lepší rychle ukončit válku zásahem ruských vojsk. Třeba se prodloužením a intenzifikací občanské války podaří přinutit Rusko k přímému vojenskému zásahu na Ukrajině. Což by ohrozilo jeho postavení ve světě.

Jen na první pohled se zdá, že navýšení počtu vojáků a zbraní na bojišti může tuto situaci změnit. Podle prohlášení ukrajinského premiéra Arsenije Jaceňuka ze srpna 2014 se takzvané Antiteroristické operace na východní Ukrajině, což je v terminologii povstalců „kárná operace“ proti vlastnímu lidu, účastní přibližně 50 tisíc vojáků a gardistů. Různé údaje z druhé poloviny minulého roku uvádějí, že povstalců ve zbrani je 10 až 20 tisíc. Vzhledem k intenzifikaci bojů lze předpokládat navýšení, ale asi jen o polovinu. Podle schváleného plánu navýšení početního stavu ukrajinské armády (březen 2015), by měl mít Kyjev k dispozici přes 200 tisíc vojáků. Gardistické bataliony, které si vytvořily paralelní štáb, čítají 600 až 1000 příslušníků – a jelikož jich je 13, pak se jedná přibližně o deset tisíc bojovníků. V zásadě platí, že vojákům se bojovat nechce. Kdo by chtěl umírat kvůli oligarchům v boji proti svým příbuzným, přátelům, kolegům, známým? Nucená mobilizace a rotace přivádí kromě neochotných vojáků i vojáky nezkušené. Tuto skutečnost žádné odhodlání neprofesionálních gardistů nemůže kompenzovat.

Proti nim stojí dobrovolníci, jejichž odhodlání pramení z pocitu, že chrání život vlastních rodin. Navíc se ukazuje, že mají talentované velitele, kteří dokážou vhodně zvolit směr hlavního úderu a udržovat protivníka v napětí, že zaútočí i jinde – což nepříteli nutí decentralizovat síly a odrazuje jej od přísunu záloh. To je bezesporu pro profesionální vojáky nedůstojné, zvláště když, jak poznamenal Vladimír Putin, porážka přišla od „bývalých horníků a traktoristů“. Ale také do značné míry zákonité. A armáda Ruské federace čítá přibližně 800 tisíc mužů. Nemluvě o kvalitě výbroje a velitelských kádřů.

Válka se nevede jen na frontě, ale i v týlu. Ekonomická situace Ukrajiny se stává katastrofální, sociální napětí stoupá. Přírozeným výsledkem těchto procesů je štěpení kyjevské politické elity, v níž jsou zastoupeni lidé s různými ideologiemi, odlišnou psychickou výbavou, křížícími se zájmy i vizemi dalšího postupu. Nasazovat větší počty vojáků na frontu je obtížné pro obecnou – a zcela oprávněnou – nechuť bojovat. Lze jen zesílit dálkové bombardování zázemí povstalců, tedy ukrajinských měst a vesnic. Jenže je možné navyšovat i počty povstalců, třeba o další dobrovolníky z Ruska.

EU a zbrojení

V situaci, kterou jsem pospal, sílí v mnoha zemích Evropské unie volání po větších výdajích na obranu. Hysterie, která vypukla kolem občanské války na Ukrajině, je ale do značné míry vyvolána vojenskými byrokraty, kteří, jako ostatně všichni byrokrati, chtějí co nejvíce peněz a co nejvíce podřízených. Válečnou psychózu taktéž živí obchodníci se zbraněmi. Nabízí se otázka, zda popisem situace na bojišti a následné rekcí volající po dalším zbrojení nekřivením Unii, která přece obdržela Nobelovu cenu míru.

V *Lisabonské smlouvě* (podpis 2007; ratifikace 2009), která je jakousi ústavou Evropské unie, je platné pojetí integrace v oblasti zahraniční a bezpečnostní politiky vymezeno v článku 24. V něm se, konkrétně v odstavci 1, mimo jiné uvádí: „Společná zahraniční a bezpečnostní politika podléhá zvláštním pravidlům a postupům. Je vymezována a prováděna Evropskou radou a Radou jednomyslně, nestanoví-li Smlouvy jinak. Přijímání legislativních aktů je vyloučeno.“ Tato limity, zvláště pak požadavek konsensu, se týkají jak unijního neuznání odtržení Kosova, tak i sankcí proti Rusku. Důležité je ale ještě něco jiného.

Při takovémto pojetí zahraniční a bezpečnostní politiky nelze pokládat Evropskou unii za univerzální, všechny sektory objímající organizaci. Tato skutečnost je patrná v pojetí společné bezpečnostní a obranné politiky Unie. V jejím rámci byl mimo jiné vytvořen Vojenský štáb EU (2001), Evropská obranná agentura

(2004), internetová Evropská bezpečnostní a obranná škola (2005). Diskutovaným problémem v této souvislosti je, zda Evropská unie v uvedených aktivitách nedubluje Severoatlantickou alianci, či se s ní dokonce neshoduje. Zpravidla se v této souvislosti hovoří o obtížích při hledání vztahu Evropské unie a NATO.

Jedním z velkých problémů při interpretaci role a povahy Evropské unie je její oddělování od dějin. Je bezesporu pravda, že Robert Schuman a Konrad Adenauer stáli u zrodu Unie. Schuman byl však také ministrem zahraničních věcí v době, kdy Francie spoluzakládala NATO, právě tak jako Adenauer byl spolkovým kancléřem v době přijetí SRN do Aliance. Jejich vnímání světa rozhodně nelze pokládat za utopistické. Už proto ne, že Schuman byl ve vládě, a to i jako premiér, v době koloniální války Francie v Indočíně.

Pro státníky, jakými byli Schuman a Adenauer, byly integrace v rámci Unie a Aliance komplementárními procesy, vzájemně se doplňující aktivity. Obecně platí, že od počátku dodnes oba tyto západoevropské integrační celky formovali a řídili v zásadě titíž lidé. Jestliže Severoatlantická rada jako nejvyšší rozhodovací a konzultační orgán NATO rozhodne o bombardování Jugoslávie a Evropská rada jako nejvyšší orgán Evropské unie o humanitární pomoci na Balkáně, nerozhodly tak abstraktní instituce – ale konkrétní státníci, kteří jsou v případě Aliance a Unie u západoevropských mocností titíž. O symetrii či asymetrii vztahů a o významu jednotlivých politik pak svědčí fakt, že je snadnější začít kariéru v NATO a pokračovat v Evropské unii – jak tomu bylo v případě výše zmíněných eurokomisařů – než naopak.

Uvádím tyto skutečnosti proto, abych ukázal, že při diskusi o vojenských výdajích států Evropské unie nelze zapomínat na Severoatlantickou alianci, na její velitelské struktury a plány. Buďme ale konkrétní. Například podle údajů o vojenských výdajích ve světě v roce 2014, která zveřejnil londýnský Mezinárodní institut strategických studií, činily loni vojenské výdaje USA 581,0 miliard dolarů a Ruska 70,0 miliard. Rusko bylo se svými výdaji ve světových tabulkách čtvrté – před ním jsou ještě Čína (129,4 miliard) a Saúdská Arábie (80,8 miliard). Součet vojenských výdajů Velké

Británie (61,8 miliard), Francie (53,1 miliard) a Německa (43,9 miliard dolarů) je více než dvojnásobek ruských vojenských výdajů. Přidá-li se k oněm třem evropským mocnostem USA, je výsledkem desetinásobek ruských vojenských výdajů. Žádný vojenský rozpočtový deficit na straně mocností z EU/NATO neexistuje.

Problém je v tom, že sebevětší vojenské výdaje NATO/EU nemůže porazit oněch přibližně 1600 strategických jaderných náloží, kterými Rusko disponuje. Jakákoliv snaha zablokovat ruský strategický arzenál například výstavbou Národní protiraketové obrany USA, vede jen k modernizaci ruského arzenálu. Poměr sil mezi Ruskem a Západem tak zůstává asymetrický, ale patový. Obecně i na Ukrajině: vojenskou cestou zvítězit nelze. Nezmohu se v této souvislosti ubránit konstatování, že by bylo jistě vhodné, kdybychom všichni věnovali více pozornosti hnutí Lékaři proti jaderné válce.

Při tomto pojetí však není možné oddělit zahraniční a bezpečnostní politiku Evropské unie od politiky a plánů největší mocnosti v rámci NATO – Spojených států. Proto připomínám i v souvislosti s politikou Unie, že letos v červnu byla zveřejněná nová Národní vojenská strategie Spojených států. Ta stvrdí, že v minulé dekádě největší vojenské nebezpečí pro USA představovaly extremistické organizací užívajících násilí, pro budoucnost by to ale měly být státní aktéři. Zmíněná strategie též přináší seznam států, údajně ohrožujících národní bezpečnostní zájmy Spojených států, a to v tomto pořadí: Ruská federace, Írán, Severní Korea a Čína.

Jenže právě události na Ukrajině a selhání politiky Evropské unie by nás mělo přivést k uvažování v jiných kategoriích, než je válečné vítězství. Nepřemýšlet o tom, co je geopoliticky výhodné pro Washington či Moskvu, ale co je prospěšné pro obyvatele Ukrajiny. Vidět, že kooperace Ruska a Západu je pro obě tyto entity mnohem výhodnější než vojenská konfrontace. Byť by to byla třeba i obchodní kooperace, která je vždy plná nejrůznějších konfliktů. Ale konfliktů, které není třeba řešit na poli válečném. Myslet v jiných než vojenských kategoriích je nutné i proto, že válka může vypuknout, přestože nikdo nevěří ve vítězství. Je tu to, čemu se

někdy říká sarajevský syndrom: ani po sto letech nevíme přesně, proč vlastně 1. světová válka vypukla.

Problém je, že pro některé nacionalisty v Kyjevě je cestou z ekonomické krize vyostření konfliktu. Válku s Ruskem vidí jako způsob, jak donutit Západ k solidárnímu chování. Někteří západní politici dávají najevo ochotu podporovat vše protiruské a krvavý konflikt s Moskvou by se mohl jevit jako cesta k vytouženým miliardám. Klíč k řešení toho, čemu se eufemisticky říká „ukrajinská krize“ a co není nic jiného než špinavá válka, leží ve Washingtonu. A vůbec není jasné, jaké cíle Spojené státy na Ukrajině sledují. Či za co Washington mír v této zemi vymění. Vlivu neokonzervativců na rozhodování prezidenta Baracka Obamy se už nedá zabránit. A pro neokonzervativce jsou extrémisti v Sýrii či na Ukrajině spojenci, dokud alespoň trochu poslouchají a bojují proti příliš samostatnému státu. Přibližně šest tisíc mrtvých v kárné operaci na východě Ukrajiny, v místech strašných bojů během 2. světové války, ale i statisíce mrtvých v pásu od Pákistánu po Sýrii, jsou projevem takového chápání mezinárodních vztahů.

Mezinárodní právo

Chaos a následná občanská válka na Ukrajině, dotvářená tlaky ze zahraničí, nově vyzvedly otázku funkčnosti mezinárodního práva. Velkým tématem se stalo násilné svržení ukrajinského prezidenta a uznání či neuznání nové vlády v Kyjevě, plus, po místním referendu, připojení Krymu k Rusku. Je zřejmé, že mezinárodní právo obsahuje řadu protikladných principů, jako je například zásada nedotknutelnosti suverenity státu, což zdůrazňuje především Charta OSN, versus právo národů na sebeurčení, které je vyjádřeno například v 1. článku odst. 1 *Paktu o občanských a politických právech* a *Paktu o hospodářských, sociálních a kulturních právech* (přijaté 1966, platné 1976). V období studené války byla patrná tradiční hierarchie principů v mezinárodním právu, přičemž za nejvýznamnější zásadu byla pokládána suverenita států. *Charta OSN* říká, že stát má právo používat sílu jen ve dvou případech: v sebe-

obraně a když tak rozhodne Rada bezpečnosti OSN. Tato koncepce mezinárodního práva je jakousi vzpourou proti dějinám. Ovšem i Charta je dokumentem, který přijaly vítězné mocnosti. Stále platí, že mezinárodní právo není nic jiného než dohoda velmocí. V geopolitickém cyklu, který začal porážkou Sovětského svazu, byla ale tato hierarchie zpochybněna.

Od konce studené války se objevily dva pokusy posunout se za *Chartu OSN*. Tím prvním je doktrína humanitární intervence. Ta říká, že mezinárodní společenství je více než světový politický systém řízený rovnováhou sil. Že je tu i soubor norem, společných hodnot a institucí, které řídí chování států a dokonce mění jejich motivy. A že toto společenství může zasahovat proti porušování lidských práv bez ohledu na suverenitu států. Takto bylo zdůvodňováno bombardování Jugoslávie (1999). Koncepce humanitární intervence je ale v rozporu s platným mezinárodním právem.

Druhou koncepcí zpochybňující hierarchii norem mezinárodního práva, kde suverenita státu je na vrcholu pyramidy, je vize *responsibility to protect* (R2P), tedy odpovědností chránit. Podle této představy neznamena suverenita státu svobodu jednat, ale povinnost pečovat o obyvatelstvo. Když se pak v Benghází začalo střílet, touto vizí bylo ospravedlňováno bombardování Libye (2011).

V praxi bylo zpochybnění mezinárodního práva spojeno především s vytvořením Kosova (2008) a jeho uznáním západními mocnostmi. Stalo se tak hlavně s odvoláním na právo národů na sebeurčení bez ohledu na suverenitu Srbska. Suverenitu jako základní princip práva narušovaly ale i další akce: nepočítají-li se lety amerických a britských vojenských letadel nad Irákem, tak první úder, který nebyl odsouhlasen Radou bezpečnosti, byl úder proti srbským pozicím v Bosně a Hercegovině (1995). Poté ovšem následoval jaderný pokus v Pákistánu, Indii, Severní Koreji, protože mnozí pochopili, že jenom ten, kdo je schopen sebeobranu, má právo na přežití. Tehdy začal velký chaos v mezinárodním právu. Následovaly útoky střel s plochou drahou letu na Afghánistán a Súdán (1998), bombardování Jugoslávie (1999), intervence v Afghánistánu (2001) a Iráku (2003), bombardování Libye (2011). Navíc

od roku 2008 do začátku roku 2014 bylo uskutečněno přibližně dva tisíce útoků amerických dronů na cíle v Afghánistánu, Pákistánu, Jemenu, Somálsku, Iráku, na Filipínách a v Libyi. Ani tzv. barevné revoluce, podporované ze zahraničí, nerespektují suverenitu států – tedy klasickou hierarchickou strukturu mezinárodního práva. To je i případ zmíněné krize na Ukrajině.

Výkon hegemonistické role USA nectí mezinárodní právo ani zájmy spojenců. Ukrajina je pouze odvozený jev. V tomto právním zmatku, který započalo nadužívání síly Washingtonem a Bruselem, byla zrušena hierarchie norem. Pak je možné obrátit se k základním normám, které humanisté spojují s normami lidských práv. Tam je i právo na sebeurčení. Pravdou je, že podle koncepcí humanitární intervence a R2P snad každý může zasahovat podle toho, jak se mu zlíbí. Útoky na Afghánistán, Irák, Libyi či podpora povstalců v Sýrii nebyly odsouhlaseny Radou bezpečnosti. Jestliže se ruský mluvící menšina po převratu na Ukrajině cítí ohrožena, pak podle vizí humanitární intervence či R2P je Moskva může bránit i silou. Takový chaos je dnes v mezinárodním právu, když se rozbila hierarchie principů. V právním zmatku se jako nejrozumnější přístup jeví komentář Wang Iho, čínského ministra zahraničních věcí, v souvislosti s návratem Krymu k Rusku: Je třeba ctít mezinárodní právo a etnické i historické zvláštnosti.

Závěr

Válka nemůže nic změnit na třech základních rozporech Ukrajiny: na dramatických sociálních rozdílech v důsledku privatizace a korupce, náboženském rozdělení a na etnické pestrosti. Tyto rozdíly mají své vlastní politické vyjádření. Je třeba tyto rozdíly respektovat, ne jim dávat podobu stále hlubších rozporů a konfliktů. Proto vývoj od převratu v Kyjevě do současnosti ukazuje, že jsou zde tři hlavní faktory, které určí budoucnost, ať již se podaří válku zastavit, nebo ne. Především je to dramatický ekonomický propad Ukrajiny, který bude mít i sociálně-politické důsledky. Druhým faktorem je skutečnost, že se nepodařilo mezinárodně izolovat Rusko.

Tím třetím je zpětná vlna v podobě ztrát Západu, především Evropské unie – zodpovědnost za ekonomicko-sociální propad Ukrajiny, zpětné důsledky ekonomické blokády Ruska a sociální migrace.

Když selhává právo a válka nepřináší nic než zabíjení a ničení, je nutné začít seriózně jednat. Skončit válku na Ukrajině co nejdříve vyžaduje vyjít z aktuální situace. V diplomatickém jazyce existuje pojem „fait accompli“. Označuje se tím skutečnost, která vnikla nestandardním způsobem, ale je nezvratná či jen velmi těžko změnitelná. Což je například svržení prezidenta Viktora Janukovyče či připojení Krymu k Rusku. Z tohoto faktu se musí začít – a třeba požadovat kompenzace, nikoliv změnu, která není dosažitelná. To je politika jako umění možného. Stejným faktem je i nová reprezentace Doněcka a Luhanska, s níž je třeba o míru jednat. Protože tamní představitelé je možné označovat za samozvance, ale jsou reálnými nositeli moci. Tak jako politici, kteří se zmocnili moci v Kyjevě po převratu. Je třeba jednat, byť ta druhá strana požaduje tak „divné“ změny, jako je samospráva regionů, omezení moci oligarchů a garance neutralitu Ukrajiny.

Mír neznamená odstranění konfliktů, ale jejich přenesení z bojišť za jednací stoly. Žádné téma, které je předmětem válečného sporu – ať již jde o jazyková práva, rozsah samosprávy regionů, propustnost hranic či jiná – se mírem neztrácí. Jen o nich musí sporné strany jednat kulturním způsobem. I zákony, které dnes pomohou k zastavení bojů, lze později změnit, aniž by se muselo válčit.

„Duch Minska“ je symbolem takového přístupu. Je ale třeba vědět, že mír není rozhodnutí státníků v Minsku, ale sociální proces na Ukrajině. Není to stav, ale cesta. Cesta, ze které se dlouho nesmí uhnout, i když má mnoho zatáček, i když se na ní vyskytnou překážky a provokace. Třeba i krvavé provokace. V rozvrácené zemi je snazší válčit než vystavět mír. Nahlédnuto z opačného zorného úhlu, důležité je, kdo se jednání neúčastnil. Tedy především státy, jejichž politické elity podléhají tomu, co lze nazvat „geopolitické předsudky“ a dnes se daleko více podobá „geopolitickým emocím“.

Ukrajinská krize a následná občanská válka se stala zdrojem dramatického růstu nedůvěry mezi politiky z Moskvy, Bruselu a Washingtonu. Tento fakt se zhmotnil i v podobě ekonomických sankcí. Tyto sankce nedůvěru dále prohloubily. Jsou zvláště nebezpečné proto, že v globalizujícím se světě 21. století je vzájemná ekonomická závislost nejdůležitějším zdrojem bezpečnosti. Nejen podnikatelé potřebují bezkonfliktní politické prostředí. I rozumní politici, kteří chápou, že stabilita liberálně demokratických režimů vyžaduje udržení životní úrovně středních vrstev, usilují o prohlubování ekonomického propojení států a regionů, tedy i Evropské unie, Ukrajiny a Ruska. A sankce nedopadají negativně jen na německou či ruskou ekonomiku a na životní úroveň nás všech. Otevírají prostor pro zcela falešné představy o tom, že bezpečnost lze zajistit získáním vojenské převahy. Zbrojením a prostorovou expanzí jednoho vojenského bloku se však skutečné bezpečnosti jen vzdalujeme.

Opakování sankcí vůči Moskvě a výzvy k dalšímu zbrojení naznačují, že Západ bude v bezpečí pouze tehdy, když se izoluje od Ruska. Ve 21. stol. však platí přesný opak: jen vzájemná závislost zajišťuje ochranu před fanatiky, příznivci nejrůznějších fobií – rusofobie, židofobie, amerikanofobie... Před extremisty, kterých je všude dost. Ty všechny, ať již žijí ve Washingtonu, Bruselu nebo v Moskvě, tlumí vzájemná ekonomická provázanost. Bezpečnost pomáhají zajistit jak zájmy podnikatelů, tak i nutnost udržet ekonomiku v chodu tak, aby byla zajištěna alespoň stagnace životní úrovně středních vrstev, když už ne její růst. Bezpečnost – to není vítězství jediné strany, ale vzájemná závislost.

Na závěr bych rád zopakoval slova, která jsem již jednou ve Volgogradu řekl: Politika ekonomických sankcí a militarismu je zcela v rozporu s humanistickou tradicí evropské kultury. Humanistické hodnoty – to jsou hodnoty, které se týkají všech lidí, všech civilizací. Jsou to hodnoty kooperace, ne války. A v této chvíli, kdy jsou násilně trhány ekonomické vztahy, které sjednocují Evropu od Atlantiku po Ural, je dvojnásob nutné upevňovat kulturní vztahy. Ve všech jejich rozměrech – od výměny výstav, hostování herců přes stáže studentů po sportovní soutěže a rozvíjení turistiky.

Čím méně spolu hovoří politici, tím více spolu musí mluvit lékaři, vědci, umělci, sportovci či regiony. Čím méně spolu hovoří centra, tím více spolu musí mluvit tzv. obyčejní lidé. Právě takováto komunikace vytváří infrastrukturu míru.

HISTORICKÝ KONTEXT BUDOUCNOSTI

Předneseno ve Volgogradu dne 31. října 2015 na plénu II. Mezinárodního fóra partnerských měst

Historický kontext budoucnosti – zní to poněkud neurčitě, až zmateně. Chtěl bych ale jen říci pár slov ke dvěma tezím, které jsme všichni slyšeli od dětství. Ta první zní: „Ten, kdo nezná historii, je odsouzen si ji zopakovat!“ Ta druhá: „Zkušenost je nepřenositelná!“

Každá z těchto tezí se asi většině z nás zdá moudrá. Problém nastane, jakmile chceme obě sloučit. Buď se vzájemně vylučují, nebo nás odsoudily bloudit dějinami v kruhu. Pokusím se tento podivný logický uzel rozmotat. Dovolte mi začít napřed poznámkou k oné první tezi. Jako její velmi bolestné potvrzení se nám jeví současné události na Ukrajině. Z šera minulosti se vynořily temné postavy lidí, jako byl Stepan Bandera. A nejenže vidíme jeho portréty na velkých manifestacích a slyšíme téměř zapomenutá šovinistická hesla plná nenávisti. Obnoveny byly i násilné techniky prosazování politických cílů: bombardování, které nese rysy etnických čistek či přímo genocidy, vraždy, psychické i fyzické zastrahování jednotlivců i celých skupin a regionů. A na zemi, která tak trpěla za Velké vlastenecké války, jsme se dočkali války občanské.

V pozadí těchto krvavých události je mimo jiné i ztráta historické paměti. V obecné, řekněme politologické rovině, se jedná o zapomnění, že i malé, dobře organizované skupinky odhodlané k násilí mohou svým pochodem na Řím dobýt moc. Nebo svrhnout vládu v Kyjevě. Že vůbec nestačí mít pravdu. Že nestačí mít za sebou většinu obyvatel. Že dokonce ani nestačí mít velké politické organizace, strany či odbory. Když chybí vůle čelit brutálnímu násilí vlastní silou, je prohra jistá.

Kolikrát se to v dějinách již stalo! Právě tak je odzkoušeno, že čím dříve proběhne zásah proti rozmáhání se extremistických skupin, tím méně krve je nutné k jejich zastavení. Čelit sebekvětnatějším slovem, dobrou vůlí či mravním příkladem rozhodně nikdy při útoku mocichtivých fanatiků nestačilo.

Nejde mi ale dnes o tuto politologickou rovinu zkušenosti. Jde mi o pochopení postupu Evropské unie v předvečer summitu ve Vilniusu v listopadu 2013 a celou řadu měsíců poté. Snažím se porozumět, proč Brusel připravil Asociační dohodu s Ukrajinou tak, že svým jednáním výrazně přispěl ke státnímu převratu a následné občanské válce. Vyjdeme-li z předpokladu, že cílem nebylo rozpoutat chaos, pak se nabízí jen dvě vysvětlení. Tím prvním, obvyklejším, je, že Brusel a Washington hrály geopolitické hry s nulovým součtem. Srozumitelněji řečeno, smyslem aktivity nebyla nová úroveň spolupráce s Ukrajinou, ale vítězství v zápase s Ruskem podle pravidla: „Náš zisk se rovná ztrátě Ruska; zisk Ruska znamená naši ztrátu.“ Připomínám knihu Zbygniewa Brzezinského Velká šachovnice, kde napsal, že bez Ukrajiny nemůže být Rusko evropskou velmocí. Nejde jen o to, že takovýto přístup cynicky zachází s lidmi žijícími na Ukrajině jako s prostředkem, nikoliv jako s účelem o sobě – mám-li parafrázovat Immanuela Kanta. Než budu pokračovat, musím ale zdůraznit, že pro mne je kvalita života Ukrajinců, jejich důstojnost, blahobyt a perspektiva nejdůležitějším cílem, tedy mírou úspěšnosti naplňování Minských úmluv. Podstatné ale je, že hra s nulovým součtem je na Ukrajině kontraproduktivní – zvítězit v Kyjevě formou státního převratu, tedy násilným prosazením Asociační dohody, je více než Pyrrhovo vítězství: je to faktická prohra. Odtržení Ukrajiny od Ruska znamená ztrátu více než poloviny přirozených vazeb ukrajinské společnosti. Vazeb ekonomických, sociálních, kulturních. Vítězství v politické rovině se pak nutně jeví jako krátkodobé, protože Západ, i kdyby chtěl – což je sama o sobě sporná teze - , nedokáže tyto vazby nahradit. A vůbec nejde jen o peníze. Výhra se mění v nezvládnutelnou přítěž.

A o tom chci právě hovořit. Jednou z příčin krvavé ukrajinské krize je prostý fakt, že těm, kdo připravovali Asociační dohodu a následná politická rozhodnutí, vize obsazení ministerských křesel za každou cenu zastínila či znemožnila porozumění faktu, že úspěšná politika musí respektovat historicky zformovanou sociální základnu politiky. Rozumný politik musí vidět, jak se formoval ukrajinsky národ, kudy a kdy šly hranice v dnešním prostoru Ukrajiny, které státy o tento region bojovaly. A nejde vůbec o katedrový výklad historie. Jde o porozumění faktu, že tato minulost vstupuje do politiky tím, že spoluutváří obraz spravedlnosti. Že vize spravedlnosti u obyvatele Krymu či Oděsy se v některých rysech může lišit od obrazu spravedlnosti obyvatele Lvova. Že etnické charakteristiky mohou předurčit některé odlišnosti zahraničněpolitické priority. Že ani přihlášení se k pravoslaví nemusí znamenat respektování stejného patriarchy. Když se tyto rozdílů nerespекtují či jsou zneužívány na rozdmýchávání politických emocí, katastrofa se zákonitě přibližuje.

Uvedu jiný příklad, který se týká destabilizace oblasti MENA, tedy Blízkého východu a severní Afriky. V každodenním zpravodajství dnes slyšíme o stovkách a tisících migrantů. Reakci Evropské unie, ale i nejvýznamnějších státníků západoevropských mocností, lze stručně označit jako opožděnou a neadekvátní. Řešení se na úrovni Evropské unie začalo hledat po tragédii, která vedla ke smrti přibližně sedmi set migrantů v únoru tohoto roku. Podotýkám, že v té době statistiky agentury Frontex, tedy Evropské agentury pro řízení operativní spolupráce na vnějších hranicích členských států EU, již více než dva roky hlásily lineární nárůst migrační vlny z Afriky, Blízkého východu, ale i z Kosova. A nejen to. Loni v listopadu papež František ve svém vystoupení v Evropském parlamentu varoval před hrozícím nebezpečím, že se ze Středozevního moře stane hřbitov. Svojně jsme mu zatleskali – ale žádná praktická reakce nenásledovala. Byla to doba, kdy Mezinárodní organizace pro migraci (IOM), což je mezistátní organizace se sídlem ve Švýcarsku, upozorňovala, že v letech 2000 až 2014 při pokusu dostat se do Evropy zahynulo 22 400 lidí. Mimochodem,

podle IOM letos do poloviny října zahynulo či zmizelo při pokusu dostat se do Evropy přes moře 3117 lidí. Evropská unie je zemí zaslíbenou, která je ohraničena hroby bezejmenných. Když to shrnu, unijní politici zareagovali až ve chvíli, když se migrační tragédie přemístila ze statistik na televizní obrazovky.

Následovala série chybných rozhodnutí, mezi nimiž nejznámější je výzva německé kancléřky, která vítala uprchlíky z oblasti MENA. Chyb bylo více, mnohem více, připomenu ale ještě tu, která se bezprostředně týká mých dvou rodných zemí, tedy Česka a Slovenska. Jedná se o vám jistě známý problém kvót. Od začátku byly kvóty matematický i politický nesmysl. Nelze přerozdělovat uprchlíky pomocí kvót pojatých v absolutních hodnotách, například podle vzorečku „přijměte tisíc uprchlíků ze současných 30 tisíc“. Přišlo jich skutečně 30 tisíc? A co ale s těmi migranty, kteří přijdou zítra? Kvóty mají matematicko-politický smysl pouze tehdy, když jsou chápány jako relativní hodnota z neznámého počtu uprchlíků: například „přijměte 5 % migrujících do Evropy“. Idea kvót však obsahuje ještě jeden problém, na který od počátku upozorňují představitelé států Visegrádské skupiny, tedy Česka, Slovenska, Maďarska a Polska. Umístění jakéhokoliv množství migrantů na území Slovenska či Česka většině z nich nevezme chuť stejně zamířit do Německa nebo do Švédska či Francie. To mají být u nás drženi násilím?

Proč o tom hovořím? Zase se pohybujeme v politice nezakotvené v dějinách. V každé válce utíká postižené obyvatelstvo do volných prostor. Tím spíše v dlouhotrvající, bezvýhodné válce. Ať již je to ta válka, která „zbyla“ po slavných vítězstvích západních zbraní v Afghánistánu, Iráku či Libyi, či ta, pomocí které se podařilo destabilizovat Sýrii. Zapírání válečné příčiny migrační vlny pak ústí v politiku, která z jedné strany podněcuje válečný požár, z druhé lituje uprchlíky. Léčí následky, neřeší příčiny.

Vážení přátelé, nerad svým vystoupením vzbudil dojem, že navíc předpokládám omyly tam, kde by mohl být zlý úmysl. Nevylučuji možnost, že někdo cíleně vyvolává chaos. Osobně si ale myslím, že spousta zla v této souvislosti nechtěně zavinilo liberální

chápaní sociální funkce politiky. Představa, že každý problém je řešitelný na úrovni individua, že lze pragmaticky řešit problémy jejich rozdělením na části a s ohledem pouze na jejich konkrétní profil. Že například lze začlenit miliony migrantů do Evropské unie jen s ohledem na jejich aktuální osobní problém – a bez ohledu na kolektivní etnickou či náboženskou identitu těchto jedinců.

Takto vznikl prapodivný obraz současné politiky některých západních mocností: podpora primitivního nacionalismu na Ukrajině jde ruku v ruce s hlásáním abstraktního multikulturalismu v Evropské unii.

To, co vidíme na příkladu Ukrajiny či migrační vlny do Evropy, ale i v západní politice sankcí vůči Rusku, je održení politiky od historie, což nutně vede ke ztrátě možnosti rozumně ovlivňovat budoucnost. Liberální vize politiky bez dějin má samozřejmě i pozitivní rys: minulost často vstupuje do politiky v podobě předsudků a iluzí o nevyužitých možnostech. Jenomže to je jeden ze zásadních důvodů, proč je třeba historii respektovat. Při jejím ignorování se snadno může stát, že se nám ze záhrobní vrátí duchové nejrůznějších Banderů. Je třeba s nimi počítat i tam, kde se tito duchové skryli – tak trochu ve freudovském pojetí – do nevědomí. Nejen na Ukrajině. Když francouzský ministr zahraničních věcí kárá Prahu a Bratislavu za nevstřícnost vůči francouzsko-německému pojetí řešení migrační krize, nevědomky do své politiky vkládá aroganci bývalé koloniální mocnosti: jen Paříž a Berlín mají pravdu, kterou je třeba prosadit; Paříž smí bombardovat, kdy chce, ostatní se mají starat o uprchlíky; Paříž má právo rozhodnout, kdo bude vládnout v Tripolisu a v Damašku. Zašlá sláva mocnosti se promítá do neokoloniální politiky.

První reakce z centrály Unie, z Berlína a Paříže na veřejnou část migrační krize byla spojena s voláním po tom, aby členské státy Evropské unie v přístupu k migrantům postupovali v duchu evropských hodnot. Tyto hodnoty nejsou vůči migrantům nikterak specifikovány. Lze ale předpokládat, že se má jednat o hodnoty, které jsou zakotveny v lidskoprávních dokumentech Evropské unie a Rady Evropy. Další hodnotový apel měl podobu odvolávání se

na solidaritu uvnitř Evropské unie, obecně na lidskost a na charitu.

Problém je v tom, že tyto výzvy byly a stále jsou natolik abstraktní, že kolidují s praktickou politikou, s jejími možnostmi. Tím nutně vyvolávají nové tragédie. Když mluvím o tom, že v rozumné politice musí být přítomno porozumění historii, nemluvím o vzpomínkách či analogiích jako o řešení. Mluvím o potřebě konkrétní analýzy. Mluvím o tom, že součástí této analýzy musí být porozumění historii, ale i chápání ekonomiky, veřejného mínění, sociálních problémů, a to včetně demografie. Jestliže někdo – tak jako to udělala německá kancléřka – vyzve k otevírání všech dveří migrantům, dostává politiku mimo realitu: Evropa na takovou politiku není připravena. Ani materiálně, ani psychicky. Nejsou k dispozici peníze, které by umožnily důstojný život takovému množství migrantů. Většina lidí, kteří s více než rozpaky hledí na chování unijních elit, nepodléháni rasismu, xenofobii či módní vlně protiislámských nálad. Přesto však u nich dominuje obava z toho, že není dost prostředků na sociální integraci migrantů a z možných rozporů odlišných kolektivních kulturních vzorů. Dosavadní zkušenost Francie a Německa rozhodně nenaznačuje, že tyto obavy jsou mylné. Integrace větších skupin migrantů vyžaduje mnohem lepší – a delší – materiální i ideovou přípravu. Při současném přístupu unijních elit musí nutně konflikty narůstat, což se pravděpodobně odrazí i na výsledcích voleb v členských státech EU.

Když sledujete průběh krize na Ukrajině a migrační krizi v Evropské unii, naleznete tam jeden pozoruhodný společný rys. A tím je mnohem rozumnější přístup místních orgánů ve městech a regionech, než v centrálních západních mocnostech či v unijních institucích. Příčin je celá řada, chtěl bych ale zdůraznit jednu z nich: konkrétnost místní politiky. Každé rozhodnutí, které skutečně pronikne do praxe, má bezprostřednější a rychlejší dopad na místní úrovni, než v centrech státní moci. Nesmyslná politika kancléřky se nedotýká jejího úřadu tak rychle, jako obyvatel v Mnichově či Vídni. Pravděpodobnost, že by některý místní politik rozhodoval bez ohledu na finanční kalkulaci, je menší, než u státníků zvyklých zadlužovat zemi. Představa, že by nějaký místní politik podléhal při rozhod-

vání o stavbě mostu přes místní říčku nějakým ideologickým či geopolitickým předsudkům, není příliš reálná.

Jestliže říkáme, a tím se vracím k druhé tezi zmíněné na počátku svého vystoupení, že zkušenost je nepřenositelná, pak máme pravdu. Přenosné jsou ale znalosti, a to i mezi generacemi. Je tudíž před námi velký úkol: vyhledávat politiky, kteří jsou schopni věcné analýzy, jejíž součástí je i znalost dějin. Politiky, kteří nepodléhají lacinému pragmatismu. Politiky, kteří dokáží formulovat dlouhodobé strategie zvyšování kvality života lidí, za které svým řemeslem přebírají část odpovědnosti. Politiky, kteří dokáží tato strategie naplňovat.

Já vím, že to zní téměř utopicky. V konkrétní rovině lze ale říci, že naplnění tohoto snu vyžaduje obranu školství před komercializací likvidující úctu ke vzdělání a ničící schopnost učit se. Vyžaduje též, aby schopnosti – a to nejen intelektuální, organizační, ale i mravní – těch, kterým je svěřena funkce ve státě, byly napřed odzkoušeny v praxi. Aby oligarchové neměli možnost kupovat si posty. Aby vše, co je možné řešit na nižší úrovni, bylo též na této nižší úrovni řešeno. Protože tady je účelovost nejvíce oproštěná od předsudků. Protože tady se nikdo nepotřebuje blýskat před kamerami siláckými řečmi o vítězství ve válce v Iráku či o vysněných úspěších dosažených sankcemi vůči Rusku. Řečeno z druhé strany, spolupráce na úrovni místní správy je jedním z nejúčinnějších léků proti hrozbě války, narůstání sociální dediferenciace, nesmyslné migrační politice, ale i proti absurdním ekonomickým sankcím.

Členové delegace GUE/NGL u hrobu Neznámého vojína

Delegace GUE/NGL při jednání se zástupci parlamentního klubu Spravedlivého Ruska

Delegace GUE/NGL s bývalým europoslancem Vladimírem Remkem

Jiří Maštálka s emeritním rektorem Volgogradské státní lékařské univerzity M. M. Zagarulkem, veteránem Velké vlastenecké války, nositelem nejvyšších válečných vyznamenání

*Jiří Maštálka
při slavnostním zahájení
II. Mezinárodního fóra*

Setkání s poslanci-senátory Sovětu federace

Setkání s představiteli KSRF ve Státní dumě

Setkání s představiteli KSRF ve Státní dumě (předseda KSRF G. Zjuganov, místopředseda Státní dumy I. Melnikov)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И РОССИЕЙ ИМЕЮТ ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

С 19 по 21 октября 2015 в Москве пребывала официальная делегация, состоявшаяся из пяти депутатов Европейского Парламента – членов левой группировки Европейских объединённых левых/Лево-зелёных севера (ЕОЛ/ЛЗС), которую возглавляла председатель группировки Габи Зиммер. Главной целью делегации было попытаться сделать пролом в связях между Европейским Парламентом и российской Государственной Думой, которые в настоящее время не только что находятся в критической точке, но ещё дальше ухудшаются.

Члены делегации ЕОЛ/ЛЗС, в состав которых я входил, имели возможность вести переговоры с самыми высокими представителями Государственной Думы, представителями парламентных партий, академического общества, профсоюзов и неправительственных организаций. В рамках группировки ЕОЛ/ЛЗС существовало уже перед поездкой в Москву однозначное согласие, что безусловно необходимо оживить отношения между Европейским Парламентом и Государственной Думой, что это нужно в качестве шага в направлении улучшения общих отношений между ЕС и Россией. Парадоксально, что члены Европейской Комиссии встречаются во время различных событий и ведут переговоры с российскими политиками, находящимися в так называемом „чёрном списке“, но в то время как депутатам ЕП руководство парламента в этом строго отказывает - несмотря на то, что всё более и более депутатов ЕП не соглашается с таким подходом.

Делегацию ЕОЛ/ЛЗС принял председатель парламента – Государственной Думы Сергей Нарышкин, заместитель председателя Государственной Думы Иван Мельников, мы

говорили с заместителем министра иностранных дел по европейским делам, с главными деятелями парламентных политических партий (за исключением Партии Жириновского), мы встретились с представителями российских профсоюзов, академического общества и неправительственных организаций.

Уже во время переговоров в Москве мы – значит вся делегация ЕОЛ/ЛЗС - согласились, что этим путём мы должны попробовать сделать пролом в парламентных отношениях, что это наша обязанность. Что мы не позволим, чтобы нас Европейская Комиссия отставляла от переговоров с российскими политиками, как этому было до сих пор.

И конкретные шаги? Уже во время составления этой публикации, лежало у председателя Европейского Парламента Шульца моё письмо, в котором я сообщаю ему причины моего недовольства по поводу отношений между Европейским Парламентом и Государственной Думой с тем, что настоящая ситуация ни малейшим образом не способствует улучшению отношений между ЕС и Россией в общем. Письмо содержит тоже критику подхода руководства ЕП к членам Постоянного представительства Российской Федерации при ЕС, так как этот подход обозначается чисто дискриминационными элементами, пусть речь идёт о возможностях входа в объект ЕП или приглашениях членов Постоянного представительства на некоторые парламентные мероприятия. Мы конечно подробно информировали председателя ЕП об итогах нашей поездки в Москву.

Своё участие в делегации ЕОЛ/ЛЗС в Москву я бы обозначил как проявление вполне чёткой непрерывности: непрерывности моего постоянного интереса и заботы о сотрудничестве европейских народов, важной и незаменимой частью которого являются отношения между Европейским Союзом и Россией. Совещанию в Москве предстояла моя поездка в Волгоград, где я на академическом форуме выступил с речью на тему Европейский Союз, Украина и Россия, по случаю

вручения мне почётного звания Доктор наук в Волгоградском государственном медицинском университете.

После окончания переговоров ЕОЛ/ЛЗС в Москве, я снова поехал в Волгоград, на этот раз в качестве единственного депутата ЕП, который был приглашён на II.Международный форум городов-побратимов, который состоялся 31 октября 2015 по случаю Всемирного дня городов, объявленного Генеральной Ассамблеей ООН в 2014 году. На этот раз я здесь говорил на тему Исторического контекста будущего и моё выступление было официально опубликовано рядом с заключительным постановлением международного форума.

Ползуясь случаем хочу ознакомить тоже граждан Чешской Республики с моими выступлениями. Я считаю, что эти выступления многое говорят о моём мнении прежде всего по поводу взаимных отношений между ЕС и Россией и о моём подходе к решению существующих проблем в этих отношениях.

Иржи Машиалка

Дамы и господа, уважаемые коллеги!

Думаю я бы оскорбил ряд профессий, если бы я сейчас сказал, что врачи острее других реагируют на возрастающий кризис, на рост насилия, на приближение вооруженного конфликта - и на фактическое начало войны. Но правда такова, что наша профессия даёт нам точное понимание того, что сегодня очень часто прячется за единицами и нулями виртуального мира, за компьютерными играми, за возрастающим расстоянием между теми, кто управляет дронами и теми, кто впоследствии погибает от их бомбардировок. Война – это не игра. Война - это прежде всего разрывание и жжение человеческих тел. С этими проявлениями войны и приходится сталкиваться врачу. Поэтому мы не только высоко ценим деятельность врачей на полях битв или в таких организациях, как например Врачи без границ, но одновременно требуем превенции - ключевых действий, которые могли бы предотвратить возникновение войны.

Напряжение, которое появилось на осевой линии Брюссель-Киев-Москва в последствии переворота в Киеве, последующего присоединения Крыма к России и возникнувшей гражданской войны на Украине, снова оживило теории о конфликте между Европой и Россией, между Западом и Россией. Несмотря на факт, что в настоящее время можно говорить о том, что этот конфликт дошёл до своей „застывшей“ стадии, у него есть большой потенциал нарастать. Определить диагноз, чтобы возможно было начать лечение, очень тяжёло. Консорциум политиков и всевозможных пропагандистов (агитаторов) спорят, и это затрудняет лечение - или даже ему препятствует.

Большинство ярых дискуссий о настоящей ситуации останавливается на вопросе, когда именно всё это на Украине началось. Началом послужили манифестации на киевской Площади Независимости ещё перед саммитом ЕС-Украина (ноябрь 2013), свержение президента Виктора Януковича

(февраль 2014), далее - присоединение Крыма к России (референдум в марте 2014). Хронология очень важна, когда требуется определить причины и последствия, а также, когда важно найти виновника. Однако залогом больших событий часто являются скрытые и не осязаемые действия. Вероятно, самой очевидной причиной развязавшейся гражданской войны на Украине является непонимание того, что это есть Украина.

Если бы меня попросили кратко описать ситуацию на Украине в рамках отношений с Европейским Союзом и Россией, я бы сказал, что эти отношения являются лишь симптомом намного большей проблемы: мы упустили возможность для становления новых отношений между Россией и Западом, которую преподнес конец холодной войны. Сегодня трудно пересчитать все взлеты и падения, которые характеризуют взаимопонимание между Москвой и Брюсселем, все споры и подписанные соглашения, начиная со времен распада Советского Союза. Однако, кажется, что проблемы намечались и вырисовывались уже в первоначальных документах нового этапа, которые были подписаны в целях взаимного сближения: я имею в виду Энергетическую хартию (1991) и Договор о партнерстве и сотрудничестве (1994). Первый названный документ был забыт и не привел в действие правила, регламентировавшие права поставщиков сырья и права и обязанности транзитных стран. Зато второй указанный документ, Договор о партнерстве и сотрудничестве, имеет в своем содержании больше чем просто „техническую“ загвоздку. Это комплексный договор так называемого третьего поколения. Этот документ подразумевает, что Россия примет европейские ценности.

Этот идеологический мотив содержится в бесконечном ряду документов, выступлений и газетных статей Союза. И касается не только России, но и всего постсоветского пространства - включая Украину. Само определение „европейские ценности“ является неопределенным, само по себе противоречивым и зачастую означает требования, которые даже на Западе

не соблюдаются. Эти требования становятся более вразумительными в текстах многих резолюций Европейского Парламента о России, Украине, Беларуси или Средней Азии. Основной проблемой этих документов является полное отсутствие эмпатии (сочувствия), способности прочувствовать специфичность обсуждаемых стран, их культуру, то, что мы могли бы назвать „цивилизационным процессом“, оценить достигнутые успехи. В результате бумаги написаны с патерналистским тоном, который является невежливым и даже оскорбительным. Кроме того, прослеживается неспособность найти сопредельные точки сотрудничества. Это то же самое, что заботиться о здоровье человека, о котором вы ничего не знаете и даже знать не хотите – и, скорее всего, даже не знаете, что такое здоровье.

Требование трансформации российских ценностей путем перевоспитания в духе европейских ценностей – занятие бессмысленное. Прежде всего, как я уже сказал, российские ценности являются частью европейского духовного богатства. Кроме того, европейская культура содержит в себе ценности, которые являются весьма противоречивыми. Только путём пропаганды можно стереть из памяти такие факты европейской истории, как сжигание книг и ведьм, погромы, жестокий колониализм, холокост. И эта отвратительная часть европейской истории имеет место быть и она жива. Именно в году, когда мы празднуем юбилей, 70 лет со дня окончания Второй мировой войны, нельзя просто сделать вид, что мы не замечаем свастики на шлемах насильственных групп, нельзя закрывать глаза на сжигание людей в Одессе.

Само нарастание непонимания и учащающиеся конфликты порождает опасная индоктринация: вечный конфликт России и Запада, пропаганда призрачного конфликта цивилизаций, конфликта культур. И я думаю, что не скажу ничего нового или секретного, если скажу, что это опасное представление имеет много сторонников тоже в брюссельских зданиях Европейского Парламента.

Как я уже сказал, кризис и война на Украине являются симптомами затянувшихся, более сложных проблем во взаимоотношениях между Россией и Западом. Соглашения об ассоциации между Европейским Союзом и Украиной послужили началом финального этапа развития этой проблемы. Проблема не ограничивается сложностью содержания данного документа, объём которого приблизительно 1400 страниц. Дух этого договора с самого начала его подготовки проигнорировал противоречивую социальную реальность Украины. Я, как бывший студент медицинского факультета Киевского Университета, должен сказать, что я никогда не понимал, как вообще кто-то мог подготовить такое соглашение об ассоциации, при условии того, что его истинной целью не являлась эскалация конфликта.

Что я имею в виду?

Традиционно, точнее, со второй половины 17-ого века, украинская политическая арена воспринимается как разделённая на левобережную и правобережную – то есть, на востоке, начиная от реки Днепр, находится про-Московская, а на западе про-Брюссельская (как раньше иначе называли про-Польская или про-Шведская). Однако сегодня Украину разделяет не Днепр, а сразу три групповых объединения: этническое, религиозное и социальное. Накануне свержения президента Януковича Украина выглядела следующим образом:

- Согласно последней переписи населения, на 2001 год на Украине проживало 77,8 % украинцев и 17,1 % русских. На западе государства преобладающая часть населения, которая говорит на украинском языке, составляет 94,4 %, в то время, как русскоговорящее население - с 3,1 %. На востоке это соотношение обратно - 86% русскоговорящего населения и 3,7 % граждан, говорящих на украинском языке. Оставшийся процент составляют граждане, обладающие так на-

зываемым языком «суржик», смесь украинского и русского языков.

- Картина по религиозному соотношению несколько иная. Согласно исследованию Центра Разумкова (2006), на Украине преобладает православие, которое, однако, в свою очередь разделяется на приверженцев киевского патриархата (38,9 %), московского патриархата (29,4 %), и автокефального православия (2,9 %). В свою очередь католики разделяются на греческих (14,7 %) и римских (1,7%) приверженцев. Указанное процентное соотношение действительно только в ряду верующих - согласно исследованию, на Украине от общего числа населения неверующие составляют 62,5 %, то есть те люди, которые не являются сторонниками какой-либо церкви.
- Украину нельзя разделить только лишь на промышленный восток и аграрный запад. Официальные данные говорят о безработице на уровне 8 %. Сокращение численности населения продолжается с 1994-ого года, причём падение в январе прошлого года достигло 87,9 % уровня населения 1990 года. Согласно The World Factbook – информационный источник ЦРУ, уже в 2010-ом году 24,1 % украинцев находились за чертой бедности.

История Украины и России, а также Польши и Литвы, динамична. Очевидно, что каждый геополитический цикл оставил отпечаток в сознании и подсознании местных жителей и политических элит, включая понятия о границах, не говоря уже об отпечатке на языковом и генетическом уровнях. Но следуя по стопам русского историка и этнографа Льва Гумилева можно сказать, что во времена Киевской Руси пришёл на пространство господства Рюриков новый этногенез, детищем которого стали дифференцированные славянские народы: украинцы, белорусы, россияне и возможно тоже русины.

Эти народы были разделены в искусственные политические совокупности, которые по сей день называются государствами. Их границы были нарисованы лишь в советских временах, в то время, как в царской империи существовали губернии, разделенные по этническому признаку.

Эти константы украинской политики были известны уже перед подготовкой соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом. Стали известны не только исходя из президентских выборов в 2010 году, но также из предыдущих выборов и из процесса и последствий так называемой Оранжевой революции (2004). И не только благодаря этим событиям. Украинское направление политики глубоко уходит своими корнями в историческое сознание. Это не случайно, что современный премьер министр Украины отозвался о ее ассоциации с Россией как об „ошибке“, которую „будто“ совершил атаман Богдан Хмельницкий, присоединив Украину к России в половине 17-ого века, а также то, что он говорит о советской интервенции на Украине и в Германии в 1945 году. В свою очередь президент Петр Порошенко требует от учёных, чтобы они представляли Украину как европейское государство, которое существует с 10-ого века, когда на её территории будто бы находилась „Киевская Русь - Украина“.

Вопрос о том, была ли Киевская Русь Украиной или нет, - это красивая тема для академических споров, которая не должна стать поводом для войны. История не должна подчинять себе политику, которая должна заботиться о жизни сегодняшних людей и их потомства, однако влияние истории на политику устранить невозможно. Возникает вопрос: «Что замыслили в Брюсселе, когда в качестве представителя Европейского Союза отправили в Киев польского дипломата (а в Москву отправили дипломата из Прибалтики), а саммит об ассоциации ЕС-Украина (2013) созвали в Вильнюсе (первая кровавая битва за эту территорию между литовцами и русскими прошла в 1500-ом году)?». Конечно, перед зданием, в котором проходил саммит Западного партнёрства в Вильнюсе, также как и во

время манифестаций на Майдане, звучала сентиментальная романтическая баллада «Эй, соколы», написанная в 19-ом веке. Эта баллада косвенно символизирует плач Польши над потерей Украины, начало великих дней славы которой ознаменовалось польско-советской войной (1919-1921), завершённой поражением Красной Армии. С этих мест впоследствии западные СМИ передавали интервью с молодыми украинцами о трехсотлетнем русском угнетении украинского народа. Таким образом, яркие эмоции были обеспечены ещё задолго до саммита Европейский Союз - Украина.

Рациональная политика Брюсселя по отношению к Украине должна была уже до саммита ЕС-Украина в Вильнюсе (в ноябре 2013 года) стремиться к стабилизации ситуации и помочь ей поднять экономику. Стремиться прийти к договоренности Европейского Союза и России в интересах Украины, так как без участия России, доля которой во внешней торговле Украины была намного больше, чем доля Евросоюза, какая-либо ревитализация экономической и социальной жизни украинского народа была не возможна, как остается невозможной и по сей день.

Хотя сегодня комиссар по расширению ЕС, занимавший пост в то время, утверждает, что перед началом саммита в Вильнюсе он не знал про положение дел в украинской экономике, базовая информация была в общем доступе. Указанное выше соотношение во внешней торговле намекает на границу, за пределами которой политика перестает быть искусством возможностей и преобразуется в форму геополитических или националистических снов. Преобразуется в форму иллюзий, которые в скором времени должны были привести к человеческой трагедии. Однако согласно геополитическим размышлениям некоторых политиков на Западе, которые не замечают потоков кооперации, а видят лишь игру с нулевой суммой, ассоциация Украины с Европейским Союзом обозначала почву для того, чтобы мечта об отторжении Украины от России могла сбыться. Кроме того, осуществить

предотвращение вступления Украины в Таможенный Союз, позднее Евразийский Экономический Союз, в который входят Республика Беларусь, Казахстан и Россия. Правила и институции этих двух организаций - ЕС и Евразийского Экономического Союза - отличаются. Беспощадный импорт товара из Украины стал бы большей экономической угрозой для государств Таможенного Союза. Поэтому Москва предупредила, что введет высокую пошлину на ввозимый товар из Украины. Москва также неоднократно обращалась по этому поводу к Киеву и Брюсселю, с просьбой о том, чтобы они не воспринимали всю ситуацию с политической точки зрения, а обратили внимание и на экономическую сторону вопроса, хотя, конечно, политический аспект никогда нельзя полностью исключить. Но уже перед саммитом в Вильнюсе математика была ясная: Киеву нужно 160 миллиардов евро и Европейский Союз предложил помощь в сумме 620 миллионов евро.

После того, как вильнюсский съезд потерпел неудачу, тогдашний украинский президент обратился с предложением составить совместную комиссию Украины, Евросоюза и России, которая могла бы заняться решением данной проблемы. Председатель Европейской Комиссии Хосе Мануэль Баррозу немедленно, безрассудно и безответственно отклонил это предложение. Это означало, что Янукович заговорил о необходимости возобновить переговоры с Россией о стратегическом сотрудничестве. В ретроспективе очевидно, что парламентарии Европейского Союза, то есть прежде всего председатель Комиссии и комиссар по расширению, выполнили свою работу весьма плохо. Аналогичным образом, кажется, что русская дипломатия недостаточно воспользовалась своим влиянием на Януковича во время, когда он был президентом, для того чтобы надавить на него, например, из-за его неприемлемой толерантности к коррупции или к усилению могущества олигархов и нарастающему конфликту между ними.

Некоторые политики и комментаторы открыто характеризуют суматоху на Украине как геополитический конфликт Запада и России. Таким образом, украинский спор приобретает подобие борьбы за эту страну, кто ее выиграет, а не за то, как будут жить украинцы. Украинская гражданская война в значительной степени является так называемой *proxy war* (опосредованной войной) - войной мощных держав, прежде всего США и России, в заместительстве. Державы конфликтуют, но борьбу ведут чужими руками. Со времен холодной войны, в первый раз это проявилось в Сирии, а сейчас присоединилась и война на Украине.

Дамы и господа!

Переворот в Киеве показал, что Россия не получит время на неторопливую модернизацию. Экономические потери на Украине и санкции Запада приводят к ослаблению роста и даже падению продуктивности российской экономики. Однако воздействие санкций на российскую экономику является и правда значительным, но вовсе не катастрофичным. На место западных компаний приходят предприниматели из других стран. Нависла опасность, что санкции станут тем стимулом, который Кремль искал много лет, стимулом для модернизации производства, диверсификации экспорта, а также сокращения зависимости от финансовых организаций Запада.

Збигнев Бжезинский когда-то написал, что без Украины Россия не сможет стать европейской великодержавой. Однако, она может ею стать, но не с помощью Украины, а с опорой на восток и юг. Когда в 90-х годах Евгений Примаков пришёл с видением осевой линии Москва-Пекин-Дели и необходимости включения в нее Тегерана, эта идея казалась абстрактной, надуманной моделью. Примаков не получил поддержки в Москве даже в те времена, когда был министром иностранных дел, а затем и премьер министром. Но кризис на Украине ускорило движение, которое было замечено уже

со времен войны в Югославии - Запад в равной степени как бессмысленно, так и усердно давит на Россию в направлении Востока и Юга. Запад, со своей политикой двойных стандартов и усилиями сохранить свои привилегии, изолирует в итоге сам себя от самых динамичных регионов мира. Украина - это лишь еще одно доказательство беспомощности, или даже слепоты многих западных политиков.

Большим направлением заключения второго потока минских соглашений (февраль 2015 года) стали поставки оружия и военных советников с Запада на Украину. Они привели бы вероятнее всего к ещё более серьезному нарушению минских договоренностей и эскалации военных действий. Нет таких видов оружия, которые мог бы поставить украинской армии и гвардейцам Запад, и которые не могла бы поставить повстанцам Россия. Результатом могла бы послужить война на границах Европейского Союза и России, затянувшаяся на несколько лет. Следующий застывший конфликт, на этот раз локация которого расположена очень близко к границам. И возможно, что кому-то в Москве придет в голову мысль о том, что вместо того, чтобы смотреть на десятки тысяч мёртвых тел, миллионы беженцев и города, превращающиеся в развалины, лучше быстро окончить войну путем интервенции русских войск. Возможно, затягиванием и интенсификацией гражданской войны удастся заставить Россию произвести прямое военное вмешательство на Украину и тем самым ослабить её мировое положение.

Только с первого взгляда может показаться, что увеличение числа военных солдат и оружия на поле боя может изменить эту ситуацию. Согласно заявлению украинского премьер министра Арсения Яценюка с августа 2014-ого года, украинские войска, состоящие приблизительно из 50-и тысяч солдат и гвардейцев, участвуют в так называемой антитеррористической операции на восточной Украине, которая является по терминологии повстанцев „карательной операцией“ против собственного

народа. Разные источники информации, начиная со второй половины прошлого года, указывают на то, что количество вооруженных повстанцев варьируется от 10 до 20 тысяч человек. Учитывая возрастающую интенсификацию борьбы можно предположить, что повышение их численности будет продолжаться, но лишь наполовину. В соответствии с согласованным планом повышения численности украинской армии (принятым в марте 2015 года), Киев должен иметь в распоряжении более чем 200 тысяч солдат. Гвардейские батальоны, которые создали параллельный штаб, насчитывают от 600 до тысячи военнослужащих - и так как их всего 13, значит речь идёт о приблизительно десяти тысячах военных. Это правда, что в большинстве своем солдаты воевать не хотят. Кому хотелось бы умирать из-за олигархов в борьбе против своих родственников, друзей, коллег, знакомых? Принудительная мобилизация и ротация приводят на военную службу помимо неуслужливых военных также и неопытных солдат. Этот факт никакая готовность непрофессиональных гвардейцев не может компенсировать.

В оппозиции к ним стоят добровольцы, готовность которых исходит из их стремления защитить жизнь своих собственных семей. Более того оказывается, что у них достаточно талантливые командующие, которые способны умело выбрать направление главного удара и держать соперника в напряжении, в то же время атаковать в другой точке, что заставляет противника децентрализовать силы и не позволяет ему получить подкрепление. Подобное развитие событий, бесспорно, является недостойным профессиональных солдат, как сказал Владимир Путин, потерпели поражение от „бывших шахтёров и трактористов“. Но в свою очередь вполне правомерно. Численность армии Российской Федерации приблизительно около 800 тысяч мужчин. Не говоря уже о качестве вооружения и командирского состава.

Война не разворачивается только на фронте, но и в тылу. Экономическая обстановка Украины становится катастрофичной, социальное напряжение возрастает. Естественным результатом этих процессов становится расщепление киевских политических элит, в которых представлены люди с разными идеологиями, различной умственной эрудицией, скрещивающимися интересами и видениями путей дальнейшего развития. Привлекать большее число солдат на фронт становится затруднительным из-за общей - и полностью оправданной - неохоты воевать. Возможно лишь усилить дистанционные бомбардировки тыла повстанцев, а значит украинских городов и деревень. Однако, в свою очередь, появляется возможность увеличить число повстанцев, например, за счет прочих добровольцев из России.

Уважаемые друзья!

В связи с ситуацией, которую я описал, во многих странах Европейского Союза растут призывы к повышению расходов на оборону. Однако, истерика, которая вспыхнула из-за гражданской войны на Украине, в значительной степени вызвана военными бюрократами, которые, как впрочем, и все бюрократы, хотят получить как можно больше денег и как можно больше подчинённых. Этот военный психоз также подогревают торговцы оружием. Возникает вопрос, поступаю ли я несправедливо по отношению к Евросоюзу, который ведь получил Нобелевскую премию мира, если я повествую вам о положении вещей на поле боя и последующей реакции призывающей к дальнейшему вооружению. Поэтому, позвольте мне, немного отдалиться от темы.

В Лиссабонском договоре (подписан в 2007 году, ратифицирован в 2009 году), который является своего рода конституцией Европейского Союза, в статье 24 разграничены действующее понятия интеграции в области внешней политики и безопасности. В этой статье, а именно в абзаце 1, между прочим, указано: „Совместная внешняя политика и политика

безопасности стран Союза подчиняются особым правилам и методам. Определяются и осуществляются Европейским Союзом и Советом единогласно, если договоренностей по-другому достичь нельзя. Принятие законодательных актов исключено“. Эти лимиты, особенно требование консенсуса, касаются как непризнания Союзом отторжения Косово, так и санкций против России. Но важно ещё кое-что.

При вот таком подходе к внешней политике и политике безопасности Европейский Союз нельзя рассматривать как универсальную организацию, охватывающую все сектора. Этот факт очевиден в понимании совместной политики безопасности и обороны Союза. В её рамках, между прочим, были созданы также Военный штаб ЕС (2001), Европейское оборонное агентство (2004), Европейская школа безопасности и обороны в интернете (2005). Дискуссионной проблемой в настоящее время является вопрос о том, дублирует ли Европейский Союз посредством выше указанных мероприятий Североатлантический Альянс, или же с ним даже находится в разногласии. Обычно, в отношении этого вопроса, говорится о трудностях при становлении взаимоотношений между Европейским Союзом и НАТО.

Одной из больших проблем в интерпретации роли и характера Европейского Союза является её отделяние от истории. Правда, нельзя поспорить с тем фактом, что Роберт Шуман и Конрад Аденауэр стояли у истоков рождения Союза. Но как Шуман был министром иностранных дел во времена, когда Франция была одним из стран-учредителей НАТО, также и Аденауэр был федеральным канцлером во время вступления Германии в Альянс. Их понимание мира, безусловно, нельзя рассматривать как утопичное. Также потому, что Шуман был членом правительства, более того и премьер министром, во время колониальной войны Франции в Индокитае.

Для государей, коими были Шуман и Аденауэр, процессы интеграции в рамках Союза и Альянса являлись

комплементарными, взаимодополняющими видами деятельности. В общем, с самого начала и до сегодняшнего дня, обеими этими интегрирующими единицами руководили и занимались формированием в принципе одни и те же люди. Если Североатлантический Совет, в качестве самого решающего и консультационного органа НАТО, принял решение о бомбардировках Югославии, а Европейский совет, в свою очередь, в качестве самого высокопоставленного органа Европейского Союза, принял решение, что будет оказывать гуманитарную помощь на Балканском полуострове, то эти решения не были одобрены абстрактными учреждениями - конкретными государями, которые как в случае Альянса и Союза в западноевропейских странах являются теми же самыми людьми. О симметрии или асимметрии взаимоотношений и о важности отдельных политик также свидетельствует тот факт, что легче начать карьеру в НАТО и продолжить в Европейском Союзе, чем наоборот, - как это и происходило в случае выше указанных еврокомиссаров.

Я привожу эти факты для того, чтобы показать, что во время дискуссии о военных расходах государств Европейского Союза, нельзя забывать про Североатлантический Альянс, про его командные структуры и планы. Но давайте быть конкретными. Например, согласно данным, опубликованным лондонским Международным институтом стратегических исследований, о военных расходах в мире в 2014-ом году, военные расходы США составили 581,0 миллиардов долларов, в то время как в России 70,0 миллиардов. Россия со своими расходами расположилась в таблицах на четвертом месте - перед ней находились Китай (129,4 миллиардов) и Саудовская Аравия (80,8 миллиардов). Сумма военных расходов Великобритании (61,8 миллиардов), Франции (53,1 миллиардов) и Германии (43,9 миллиардов долларов) составила более чем двукратное число российских военных расходов. Если добавить к этим трем европейским державам ещё и США, итогом выйдет десятикратное число российских военных расходов. В бюджете

держав ЕС/НАТО не существует никакого дефицита по статье военных расходов.

Проблема заключается в том, что даже самые большие военные расходы не смогут поразить имеющиеся у России приблизительно 1600 стратегические ядерные бомбы. Какие-либо усилия обезвредить российский стратегический арсенал, например, стройкой Национальной противоракетной обороны США, приводит только к модернизации российского арсенала. Соотношение сил между Россией и Западом, таким образом, остаётся асимметричным, но точечным. Вообще, та же самая картина обстоит и на Украине: военным путём победить нельзя. В связи с этим я не могу не констатировать, что было бы, безусловно, уместно, чтобы мы все обращали больше внимания к движению Врачей против ядерной войны.

В такой обстановке нельзя отделить внешнюю политику и политику безопасности Европейского Союза от политики и планов крупнейшей державы в рамках НАТО - Соединённых Штатов. Поэтому напоминаю, как и в связи с политикой Союза, что в настоящем году была опубликована новая Национальная военная стратегия Соединённых Штатов. Этот документ подтверждает, что в прошлой декаде самой большей угрозой для США являлись экстремистские организации, прибегающие к насилию, в то время как будущей этой угрозой должны являться государственные субъекты. Выше упомянутая стратегия также приводит список государств, которые якобы ставят под угрозу интересы национальной безопасности Соединённых Штатов, вот они поочередно: Российская Федерация, Иран, Северная Корея и Китай.

Однако именно события на Украине и срыв направления политики Европейского Союза должны привести нас к размышлению в других категориях, отличных от военной победы. Не думать о том, что геополитически выгодно для Вашингтона или Москвы, а подумать о том, что послужит во благо жителей Украины. Привести нас к видению того, что

кооперация России и Запада является намного выгоднее для обеих этих сущностей, чем военное противостояние. Хотя бы это было, скажем, то же торговое сотрудничество, которое всегда изобилует разными конфликтами. Но конфликтами, которые не нужно решать на поле боя. Необходимо размышлять в иных, не только военных категориях, также потому, что может вспыхнуть война, хотя никто и не верит в победу. Это то, что иногда называют синдромом Сараево: даже сто лет спустя, мы не знаем, почему именно вспыхнула первая мировая война. Проблема заключается в том, что с точки зрения некоторых националистов в Киеве, обострение конфликта является следствием экономического кризиса. Войну с Россией видят как способ, чтобы заставить Запад оказывать солидарную помощь. Некоторые западные политики же дают понять о своём желании поддержать всё, что касается антироссийских настроений, а кровавый конфликт с Москвой мог бы оказаться путем к заветным миллиардам. Ключ для решения того, что эвфемистически называют „украинский кризис“, и что на самом деле является ничем иным, кроме как грязной войной, находится в Вашингтоне. И совсем не понятно, какие цели преследуют Соединенные Штаты на Украине. Или на что Вашингтон готов променять мир в этой стране. Влияние неоконсерваторов на решения президента Барака Обамы уже нельзя предотвратить. Экстремисты в Сирии и на Украине являются союзниками для неоконсерваторов, и пока они к ним прислушиваются, они ведут борьбу против слишком самостоятельного государства. Приблизительно шесть тысяч погибших в карательной операции на востоке Украины, на местах ужасных сражений во время второй мировой войны, а также сотни тысяч погибших в полосе от Пакистана до Сирии, - всё это проявление вот такого понимания международных отношений.

Уважаемые коллеги!

Суматоха и последующая гражданская война на Украине, которой придают окончательные черты давление из за рубежа, вновь выдвинули вопрос о функциональности международного права. Большой темой для обсуждений стало насильственное свержение украинского президента и признание или не признание нового правительства в Киеве, плюс, в результате проведения местного референдума присоединение Крыма к России. Очевидно, что в международном праве существует ряд противоречивых принципов, таких как например принцип нерушимости государственного суверенитета, который подчеркивает прежде всего Хартия ООН, идет вразрез с правом народов на самоопределение, которое явно обозначено в 1-ой статье 1-ого абзаца в Пакте о гражданских и политических правах и Пакте об экономических, социальных и культурных правах (принятых в 1966 году, действительных до 1976 года). Во время холодной войны была заметна традиционная иерархия принципов в международном праве, причём самым важным принципом оставался суверенитет государств. Хартия ООН указывает, что государство должно употреблять силу только в двух случаях: для самозащиты и когда так решит СБ ООН. Эта концепция международного права выступает каким-то бунтом против истории. Однако Хартия - это тот же документ, который приняли победившие державы. До сих пор действительность такова, что международное право не является ничем иным, чем договором держав. Но в геополитическом цикле, который начался с поражения Советского Союза, эта иерархия была взята под сомнение.

С конца холодной войны были произведены две попытки сдвинуть Хартию ООН. Первой является доктрина гуманитарной интервенции. В ней указывается, что международное сообщество находится выше мировой политической системы управляемой равновесием сил. Что здесь имеется также набор норм, общих ценностей и учреждений, которые определяют направление поведения государств и даже меняют их мотивы.

И что это сообщество может вмешиваться в ситуации, которые приводят к нарушению прав человека без учёта суверенитета государств. Подобным образом оправдывались и бомбардировки Югославии (1999). Концепция гуманитарной интервенции находится в конфликте с действующим международным правом.

Второй концепцией, которая ставит под сомнение иерархию норм международного права, где государственный суверенитет находится на вершине пирамиды, является принятие ответственности за защиту - responsibility to protect (R2P), что возлагает ответственность на защищающую сторону. Согласно этому понятию суверенитет государства не даёт ему свободу действовать, а возлагает обязанность заботиться о населении. Когда позже в Бенгази началась стрельба, этой концепцией оправдывали бомбардировки в Ливии (2011).

На практике, тот факт, что международное право было поставлено под сомнение, связано, прежде всего, с образованием Косово (2008) и его признанием западными державами. Это произошло, прежде всего, потому что стороны ссылались на право народов на самоопределение, забыв при этом учесть суверенитет Сербии. Суверенитет, как основной принцип права, нарушался также другими событиями: если не считать перелёты американских и британских военных самолётов над Ираком, то первым ударом, который не был согласован Советом безопасности, явился удар по сербским позициям в Боснии и Герцеговине (1995).

Так как многие поняли, что только тот, кто способен на самозащиту, имеет возможность выжить, то как следствие последовали ядерные эксперименты в Пакистане, Индии и Северной Корее. Тогда началась огромная суматоха в международном праве. Последовали нападения крылатыми ракетами на Афганистан и Судан (1998), бомбардировки Югославии (1999), вмешательства в Афганистане (2001) и Ираке (2003), бомбардировки в Ливии (2011). Более того,

с 2008 года до начала 2014 года было произведено около двух тысяч атак американскими дронами по целям в Афганистане, Пакистане, Йемене, Сомали, Ираке, на Филиппинах и в Ливии. Даже так называемые цветные революции, поддерживаемые из за рубежа, не чтут суверенитет государств – а значит и классическую иерархическую структуру международного права. И это тот же случай упомянутого кризиса на Украине.

Гегемоничное поведение США иллюстрирует неуважение ни международного права, ни интересов союзников. Украина является лишь производным явлением. В настоящем беспорядке в области права, который начался со злоупотребления Вашингтоном и Брюсселем своими силами, была произведена отменена иерархии норм. Далее можно обратиться к базовым нормам, которые гуманисты ставят на ряду с нормами прав человека. Вот на этом самом уровне и находится право на самоопределение. Истина в том, что в соответствии с концепцией гуманитарной интервенции и R2P (ответственности за защиту), пожалуй каждый может вмешиваться как ему захочется. Нападения на Афганистан, Ирак и Ливию или поддержка повстанцев в Сирии небыли согласованы с Советом безопасности. Если русскоязычное меньшинство после переворота на Украине чувствует себя под угрозой, то, согласно положениям гуманитарной интервенции или R2P (ответственности за защиту), Москва имеет право его защитить, и даже с применением силы. Вот такая неразбериха в настоящее время происходит в международном праве, в котором развалилась вся иерархия принципов. В правовой неразберихе самым разумным кажется комментарий Ванг Ихо (Wang Iho), китайского министра иностранных дел, который высказал свое мнение по отношению к возвращению Крыма в Россию: «Необходимо уважать международное право и этнические и исторические особенности».

Уважаемые друзья!

Война не может никак повлиять на три фундаментальные противоречия на Украине: на катастрофичные социальные расхождения вследствие приватизации и коррупции, на религиозное разделение и на ее этническое разнообразие. Эти противоречия имеют свое особое политическое выражение. Эти различия необходимо уважать, а не вгонять их в подобие все более и более глубоких противоречий и конфликтов. Поэтому развитие ситуации начиная с переворота в Киеве до сегодняшнего дня показывает, что существует три главных фактора, которые определяют будущее, удастся ли остановить развитие войны или нет. Прежде всего это драматичное падение экономики Украины, которое будет иметь кроме всего прочего и социально-политические последствия. Вторым фактором является тот факт, что на международной арене Россию изолировать не удалось. И третьим фактором является обратная волна в виде потерей Запада, прежде всего Европейского Союза - ответственность за социально-экономическое падение Украины, ответные последствия экономической блокады России и социальная миграция.

Когда право даёт осечку и война не приносит ничего больше чем убийство и уничтожение, необходимо начинать принимать серьёзные меры. Для скорейшего окончания войны на Украине необходимо выйти из текущего положения. В дипломатическом языке, есть понятие „fait accompli“ („свершившийся факт“). Под этим понятием подразумевается ситуация, которая была вызвана каким-либо нестандартным путем, но является бесспорной или изменить её очень трудно. В качестве примера такой ситуации можно привести свержение президента Януковича или присоединение Крыма к России. И если пытаться как-то исправить подобную ситуацию, то следует требовать компенсаций, а вовсе не обратных изменений, которые недостижимы. Эта политика является искусством возможного. Такой же ситуацией выступает также новое представительство Донецка и Лу-

ганска, с которым необходимо вести переговоры о мире. С одной стороны тамошних представителей можно назвать самозванцами, но по сути это те люди, которые реально стоят у власти. Как и политики, которые захватили власть в Киеве после переворота. Требуется действия, к которым вторая сторона выдвигает такие „странные“ требования, как самоуправление регионов, ограничение власти олигархов и гарантия нейтралитета Украины.

Мир не подразумевает отсутствие конфликтов, но он означает их дислокацию с поля боя за столы переговоров. Никакая проблематика, которая могла бы являться предметом военного конфликта – будь то языковые права, степень самоуправления регионов, проницаемость границ, и другие – ни одна не является помехой для установления мира. Только противостоящие стороны должны вести переговоры о них культурным образом. Как и законы, которые сегодня могут помочь остановить противостояние, можно позже изменить без необходимости вести войну.

„Дух Минска“ является символом такого подхода. Но надо иметь в виду, что мир, это не решения, принимаемые государями в Минске, а социальный процесс, протекаемый на Украине. Это не положение, а путь. Путь с которого еще долго нельзя сворачивать, даже если он является очень извилистым, даже если на нём встретятся препятствия и провокации. Даже если бы это были кровавые провокации. В разрушенной стране легче вести войну, чем построить мир. Если взглянуть с обратной точки зрения, то важно обратить внимание на тех, кто в переговорах участия не принимал. То есть прежде всего государства, политические элиты которых, поддаются такому феномену, который можно назвать „геополитическими предрассудками“ и тому, что сегодня гораздо более похоже на „геополитические эмоции“.

Украинский кризис и последующая гражданская война стали источником резкого роста недоверия между политиками из

Москвы, Брюсселя и Вашингтона. Этот факт материализовался также и в виде экономических санкций. Эти санкции ещё более углубили недоверие. Они являются опасными прежде всего потому, что в глобализирующемся мире 21-ого века взаимная экономическая зависимость между странами становится самым важным источником безопасности. Политическая среда, свободная от конфликтов, необходима не только предпринимателям. Также и разумные политики, которые понимают, что для устойчивости либерально-демократических режимов необходимо сохранить уровень жизни среднего класса, стараются способствовать укреплению экономического взаимодействия государств и регионов, а значит Европейского Союза, Украины и России. Санкции сказываются негативно не только на немецкой или российской экономике, но и на уровне жизни нас всех. Открывают также пространство для вполне фальшивых размышлений о том, что безопасность можно обеспечить получением военного превосходства. Но посредством вооружений и пространственной экспансии одного военного блока мы только отдаляемся от настоящей безопасности.

Повторяющиеся санкции против Москвы и призыв к дальнейшему вооружению намекают на то, что Запад будет находиться в безопасности только тогда, когда будет изолирован от России. Но в 21-ом веке все ровно наоборот: только взаимная зависимость может обезопасить от фанатиков, покровителей различных фобий - русофобии, евреефобия, американофобия... От экстремистов, которых по всюду достаточно. Их всех, пусть они живут в Вашингтоне, Брюсселе или в Москве, тормозит взаимная экономическая зависимость. Обеспечению безопасности помогают как интересы предпринимателей, так и необходимость сдерживать экономику в настолько работоспособном режиме, чтобы обеспечить по крайней мере стагнацию жизненного уровня среднего класса, если уже не его рост. Безопасность - это не победа одной стороны, а взаимная зависимость.

Уважаемые друзья!

Позвольте мне, в заключение, повторить слова, которые я уже однажды сказал в Волгограде: политика экономических санкций и милитаризма находится в полном противоречии с гуманистической традицией европейской культуры. Гуманистические ценности - это те ценности, которые касаются всех людей, всех цивилизаций. Это ценности кооперации, а не войны. И в настоящее время, когда насильственно разрываются экономические отношения, которые соединяют Европу с территорией от Атлантики до Урала, то необходимо с удвоенной силой укреплять культурные связи. Во всех их проявлениях - начиная с обмена выставками, хостинга актёров, и заканчивая стажировками студентов, спортивными соревнованиями и развитием туризма.

Чем меньше ведут диалог между собой политики, тем больше должны его вести врачи, учёные, художники и спортсмены или регионы. Чем меньше ведут диалог между собой центры, тем больше его должны вести так называемые обычные люди. Именно такая коммуникация формирует инфраструктуру мира.

Исторический контекст будущего

Иржи Машталка

Дамы и господа! Друзья!

Как вы уже, наверно, заметили по программе, название моего выступления – «Исторический контекст будущего» – звучит как-то нечётко, даже запутанно. Но я хотел бы лишь сказать несколько слов в дополнение к двум тезисам, которые знакомы нам всем с детства. Первый тезис: «Тот, кто не знает историю, осуждён её повторить». И второй тезис: «Опыт непереносим!»

Каждый из этих тезисов, наверно, большинству из нас кажется мудрым. Проблема возникает, когда мы пытаемся

применить их оба сразу. Они либо исключают друг друга, либо заставляют нас блуждать по истории кругами. Я попробую распутать это странное логическое противоречие. Позвольте мне начать с замечания к первому указанному тезису. Его болезненным подтверждением являются современные события на Украине. Из сумрака прошлого вынырнули тёмные фигуры таких людей, как, например, Степан Бандера. Причем мы не только видим его портреты на больших манифестациях и слышим почти забытые шовинистические лозунги, полные ненависти. Возобновлены были также насильственные техники продвижения политических целей: бомбардировки, которые имеют черты этнических чисток или откровенного геноцида; убийства; психическое и физическое запугивание индивидуальных лиц и целых групп и регионов. И в стране, которая столько страдала во время Великой Отечественной войны, мы дождались войны гражданской.

На фоне этих кровавых событий заметна, помимо всего прочего, потеря исторической памяти. На общем, скажем так: *политическом*, уровне мы забыли о том, что даже малые, но хорошо организованные группы, которые готовы к насилию, вполне способны, двинувшись маршем на Рим, завоевать власть. Или свергнуть правительство в Киеве. Так что совсем не достаточно просто быть правыми. Так что недостаточно просто добиться поддержки большинства населения. Недостаточно даже иметь большие политические организации, партии или профсоюзы. Когда не хватает воли противостоять грубому насилию собственными силами, проигрыш неминуем.

Сколько раз в истории это уже случилось! И сколько раз также доказано, что чем раньше будет подавлено разрастание экстремистских группировок, тем меньше крови прольется в попытках остановить их. Даже самой витиеватой речи, доброжелательности или морального примера никогда не было достаточно, чтобы противостоять фанатикам, которые жаждут власти.

Но сегодня меня не интересует этот политический уровень опыта. Меня интересует понимание действий Европейского парламента накануне саммита в Вильнюсе в ноябре 2013 года и в течение нескольких месяцев после этого события. Я пытаюсь понять, почему Брюссель подготовил Соглашение об ассоциации с Украиной таким образом, что своими действиями ярко поспособствовал государственному перевороту и последующей гражданской войне. Если мы исходим из предположения, что развязывание смуты не являлось целью Брюсселя, напрашиваются только два альтернативных объяснения. Первым, более привычным, является объяснение, что Брюссель и Вашингтон разыграли геополитические игры с нулевым итогом. Более вразумительно говоря, целью их деятельности являлся не новый уровень сотрудничества с Украиной, но победа в борьбе с Россией согласно формуле: «Наша победа равняется проигрышу России; выгода для России равняется неудаче для нас». Вспомните книгу Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска», в которой он пишет, что без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Дело не только в цинизме подобного подхода, согласно которому люди, живущие на Украине, рассматриваются только как средство, а вовсе не как субъекты – не как самоцели, если перефразировать Иммануила Канта. Прежде чем продолжить, я должен подчеркнуть, что для меня качество жизни украинцев, их достоинство, благополучие и будущее являются важнейшими целями, а значит, и мериллом успеха в выполнении Минских соглашений. Однако важно понимать, что игра с нулевым итогом на Украине контрпродуктивна: победить в Киеве путем государственного переворота, насильственным продвижением Соглашения об ассоциации, - это не просто Пиррова победа, это фактический проигрыш. Отторжение Украины от России обозначает убыль больше чем половины естественных связей украинского общества, связей экономических, социальных, культурных. После этого победа на политическом уровне неизбежно кажется кратковременной,

потому что Запад не сумеет возместить эти связи при всём своем искреннем желании (хотя искренность этого желания – сама по себе спорный тезис). И дело здесь не в экономических проблемах. Выигрыш в этой ситуации трансформируется в непреодолимое бремя.

И об этом я хочу говорить. Одной из причин кровавого украинского кризиса является простой факт, что тем, кто подготовил Соглашение об ассоциации и последующие политические решения, затуманили разум призрачные мечты о получении любой ценой министерских постов. Эти мечты помешали им понять тот факт, что успешная политика должна основываться на уважении к исторически сформированной социальной базе. Разумный политик должен видеть, каким образом формировался украинский народ, где и когда проходили на сегодняшнем пространстве Украины границы, какие государства пытались завоевать этот регион в прошлом. И речь совсем не идёт о схоластическом пересказе истории. Речь идёт о понимании факта, что именно прошлое, вступая в политику, создает совместно с ней образ правосудия. Что видение правосудия у жителя Крыма или Одессы может в некоторых чертах отличаться от образа правосудия в понятии жителя Львова. Что этнические характеристики могут обуславливать некоторые отличия внешнеполитических приоритетов. Что даже если человек является сторонником православия, это ещё не значит, что он поддержит идею о едином патриархе. Когда эти отличия не уважаются, или когда ими злоупотребляют для раздувания политических эмоций, закономерно приближается катастрофа.

Приведу другой пример, касающийся дестабилизации области БВСА, то есть Ближнего Востока и Северной Африки. В ежедневных новостях мы слышим о сотнях и тысячах мигрантов. Реакцию Европейского Союза и важнейших государственных деятелей западноевропейских держав можно кратко охарактеризовать как запаздывающую и ненадлежащую. Решение этой проблемы на уровне

Европейского Союза начали искать лишь после трагедии, которая привела к смерти приблизительно семисот мигрантов в феврале настоящего года. Хочу отметить при этом, что отдел статистики агентства Фронтекс – то есть Европейского агентства по управлению оперативным сотрудничеством на внешних границах государств-членов ЕС – впервые сообщил о линейном возрастании миграционной волны из Африки, Ближнего Востока и Косово более двух лет назад.

И не только это. В ноябре прошлого года Папа римский Франциск в своём выступлении в Европейском Парламенте предупреждал, что надвигается опасность, что Средиземное море станет кладбищем. Мы его выступлению единогласно поаплодировали, но практически никакой реакции не последовало. Это было в то время, когда Международная организация по миграции (МОМ), базирующаяся в Швейцарии, предостерегала, что с 2000 по 2014 год при попытке попасть в Европу погибло 22 400 человек. Между прочим, согласно МОМ, в период до середины октября текущего года при попытке попасть в Европу по морю погибло или пропало 3 117 человек. Европейский Союз является землей обетованной, которая по всему периметру окружена могилами безымянных. Резюмируя вышесказанное: европейские политики начали реагировать лишь в тот момент, когда миграционная трагедия переместилась из статистических отчетов на экраны телевизоров.

Последовала серия ошибочных решений, среди которых самым известным является решение канцлера Германии, вызвавшейся принять мигрантов из области БВСА. Ошибок было больше, намного больше, напомним ещё ту, которая непосредственно касается моих двух родин: Чехии и Словакии. Имеется в виду проблема, которая вам несомненно известна, проблема квот. Эти квоты с самого начала были математической и политической ерундой. Нельзя распределять беженцев согласно квотам, которые исчисляются в абсолютных величинах, например, согласно

формуле «примите тысячу беженцев из имеющихся 30 тысяч». На самом деле ли деле их пришло только 30 тысяч? И что делать с теми мигрантами, которые придут завтра? У квот есть математическо-политический смысл только тогда, когда они понимаются как относительная величина, причем по отношению к неизвестному числу беженцев: например, «примите 5 % людей, мигрирующих в Европу». Однако в идее квот имеется ещё одна проблема, на которую с самого начала указывали представители государств Вышеградской группы, то есть Чешской Республики, Словацкой Республики, Венгрии и Польши. Размещение какого-либо количества мигрантов на территории Словакии или Чехии всё равно не потушит желание большинства из них направиться в Германию, или Швецию, или во Францию. Значит ли это, что нам предлагается удерживать их на своей территории насильно?

Почему я об этом говорю? Мы снова движемся к политике, не заанкерованной в истории. В каждой войне пострадавшее население убегает в свободное пространство. Тем более во время длительной, безвыходной войны. Не важно, что это за война: та, что является «остаточным явлением» после славных побед западного оружия в Афганистане, Ираке или Ливии, или та, с помощью которой удалось дестабилизировать Сирию. Отрицание военной причины миграционной волны приводит к политике, которая, с одной стороны, поощряет эскалацию вооруженного конфликта, а тут же, с другой стороны, жалеет мигрантов. Лечит последствия, не решает причины.

Уважаемые друзья!

Я бы не хотел, чтобы после моего выступления вы подумали, будто я наивно вижу обычные ошибки везде, где на самом деле мог иметь место злой умысел. Я не исключаю возможности, что кто-то целенаправленно вызывает хаос. Однако я лично придерживаюсь того мнения, что много зла в этом контексте ненамеренно причинило либеральное понимание социальной функции политики. Представление, что все проблемы можно

решать на уровне индивидуума, что проблемы возможно решать их прагматичным разделением на части и с учётом лишь их конкретного профиля. Что, например, возможно включить миллионы мигрантов в Европейский Союз лишь с учётом их личных проблем - и без учета коллективной этнической или религиозной идентичности этих людей.

В современной политике некоторых западных держав наблюдается очень странная картина: поддержка примитивного национализма на Украине идёт рука об руку с провозглашением абстрактного мультикультурализма в Европейском Союзе. То, что мы видим на примере Украины или миграционной волны в Европу, а также в западной политике санкций в отношении России, есть отторжение от истории, которое неизбежно ведёт к утрате возможности разумно влиять на будущее. Либеральное видение политики без истории тоже, конечно, имеет позитивную черту: ведь чрезмерная концентрация на прошлом в политике зачастую отражается в форме предрассудков или иллюзий о неиспользованных возможностях. Однако это одна из важнейших причин, по которым историю надо уважать. Пренебрежение к истории очень легко может привести к тому, что над нами вновь нависнут призраки всевозможных бандеровцев. Их нужно опасаться даже в тех странах, где эти призраки ушли - используя терминологию Фрейда - в область бессознательного, то есть не только на Украине. Когда французский министр иностранных дел упрекает Прагу и Братиславу за недовольство французско-немецкими планами по решению миграционного кризиса, в его политике невольно проступает высокомерие бывшей колониальной державы: «только Париж и Берлин правы, и эту правду надо продвинуть»; «Париж может бомбить, когда захочет, а о беженцах должны заботиться другие»; «у Парижа есть права решать, кто будет править в Триполи и в Дамаске». Поблекшая слава державы демонстрируется в неоколониальной политике.

Почему говорю об этом на сегодняшней конференции?

Начну снова немного издалека. Первая реакция, поступившая из центра ЕС, из Берлина и Парижа, в ответ на публичную огласку подробностей миграционного кризиса, выражалась в призыве, чтобы государства-члены Европейского Союза подходили к мигрантам в духе европейских ценностей. Но никак не уточняется, каковы должны быть эти ценности по отношению к мигрантам. Можно предположить, что имеются в виду ценности, которые обоснованы в документах Европейского Союза и Совета Европы на тему прав человека. Второй призыв, опять с отсылкой к ценностям, имел форму апеллирования к солидарности внутри Европейского Союза, с упором на человечность и на милосердие.

Проблема заключается в том, что эти призывы были и до сих пор остались настолько абстрактными, что вступили в противоречие с практической политикой, с её возможностями. И таким образом неизбежно возникают новые трагедии. Когда я говорю о том, что в разумной политике должно присутствовать понимание истории, я не имею в виду воспоминания или использование аналогий в качестве решения. Я говорю о необходимости конкретного анализа. Говорю о том, что частью этого анализа должно быть понимание истории, а также понимание экономики, общественного мнения, социальных проблем, включая демографию. Если кто-нибудь – так, как это сделала канцлер Германии, - вынуждается открыть мигрантам все двери, он осуществляет политику в отрыве от реальности: Европа не подготовлена для такой политики. Не подготовлена как материально, так и психологически.

Не хватает денег, чтобы обеспечить такому количеству мигрантов достойную жизнь. Большинство людей, которые с опаской и недоумением смотрят на поведение элит Союза, делают это вовсе не по причине расизма, ксенофобии или модной волны анти-исламистского настроения. Несмотря на это, у них доминирует опасение, что на обеспечение

социальной интеграции мигрантов не хватает средств, а также опасение по поводу возможных отличий коллективных культурных моделей. Существующий опыт Франции и Германии, безусловно, демонстрирует, что эти опасения были небеспочвенны. Для интеграции больших групп мигрантов необходима лучшая - и более длительная - материальная и идейная подготовка. Сегодняшний подход элит Союза должен неизбежно привести к эскалации конфликтов, что, вероятно, отразится и на итогах выборов.

Если понаблюдать за кризисом на Украине и миграционным кризисом в Европейском Союзе, то можно увидеть одну примечательную общую черту. А именно то, что органы местного самоуправления в городах и регионах отличаются более разумным видением ситуации, чем центры западных держав или институтов Союза. Причин целый ряд, но я хотел бы подчеркнуть одну из них - это конкретный и прикладной характер местной политики. Каждое решение, которое действительно осуществляется на практике, на местном уровне оказывает скорейшее и более непосредственное воздействие, чем в центрах государственной власти. Бессмысленная политика канцлера не отражается на функционировании её собственного бюро с такой скоростью, с какой она влияет на жизни жителей в Мюнхене или Вене. Тенденция принимать решения без малейшего учета финансовых вопросов намного менее характерна для политиков местного самоуправления, чем для государей, которые привыкли ввергать страну в долги. И уж совсем маловероятно, чтобы какой-нибудь политик местного самоуправления, принимая решение о строительстве моста через местную речку, мог бы поддаваться каким-нибудь идеологическим или геополитическим предрассудкам.

Если мы говорим (и тем я возвращаюсь ко второму тезису, указанному в начале моего выступления), что опыт непереносим, то мы правы. Но знания – переносимы, и при этом даже между поколениями. Значит, перед нами стоит большая задача: искать политиков, которые способны на реальный анализ, частью

которого является понимание истории. Политиков, которые не поддаются дешёвому прагматизму. Политиков, которые способны формулировать долгосрочные стратегии повышения качества жизни людей, за которых они по своей профессии берут на себя ответственность. Политиков, которые смогут претворить эти стратегии в жизнь.

Я знаю, что вот таким образом это всё звучит почти утопично. Но есть конкретные шаги, которые нужно предпринять, чтобы эта мечта стала реальностью. Требуется защищать образование от коммерциализации, которая ликвидирует уважение к образованию и убивает способность учиться. Необходимо также, чтобы способности тех, кто занимает государственные должности, сначала проверялись на практике (причём не только интеллектуальные и организаторские способности, но также моральные). Необходимо, чтобы у олигархов не было возможностей покупать должности. Чтобы всё, что возможно решать на низшем уровне, именно на этом низшем уровне и решалось. Потому что здесь достижение цели меньше всего зависит от предрассудков. Потому что тут никому не надо блистать перед камерами, бросаясь громкими словами о победе в войне в Ираке или о воображаемых успехах, достигнутых санкциями по отношению России. В дополнение к этому, сотрудничество на уровне местного самоуправления является одним из самых действенных лекарств против угрозы войны, нарастания социального расслоения, бессмысленной миграционной политики, а также абсурдных экономических санкций.

Благодарю Вас за внимание.

Jiří Maštálka

Evropská unie a Rusko

Neprodejný výtisk (not for sale)

Vydáno s podporou frakce GUE/NGL v EP

Vytiskl (print) Typos, tiskařské závody s.r.o., závod Klatovy

2015